

65.9(2P-4) (Кем)
К 82

Э 40063 И
390073

на фронтах
Б
летки

е. кригер

**ВЫСОКОЕ
напряжение**

ГПБ Сп. Ля.

ГИХЛ 1931

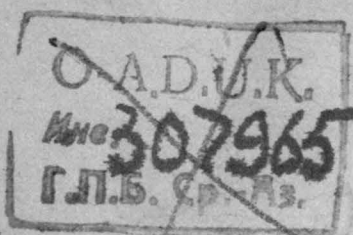
027

127

Клеверов

Е. Кригер

на **Фронтах**
Блетки

65.9(2р-4кел)
к 82

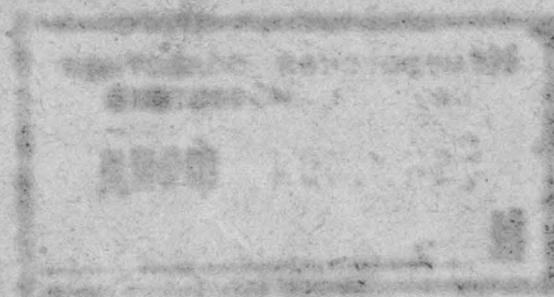
Высокое напряжение

386516

45016

ЖКТ - 2

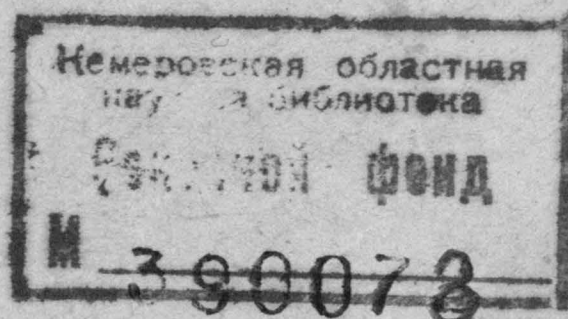
Государственное издательство
художественной литературы

1932 г.

Москва Ленинград 1931

Пров. 1939 г.

Редактор М. Эгарт
Техн. редактор А. Кулакова
Художник К. Зотов

ОГИЗ 474. X-31. Тираж. 25 000. Уполномоченный Главлита Б-7732. Заказ 2544.
Формат бумаги 72×93¹/₃₂. Бум. лист. 1,5 по 106 496 знаков. 2³/₄ п. л. Сдана в набор
26 июля 1931 г. Подписана к печати 24 ноября 1931 г.

Высокое напряжение

Манчжурский экспресс

В купе манчжурского экспресса сталкиваются четыре человека: советский инженер, известный немецкий химик, его жена и пожилой солдат германского фронта с обожженной газом головой. Солдат смотрит на немца спокойными любопытствующими глазами. Вечером на его блестящем голом черепе вспыхивают отражения электрических лампочек — сначала белой, потом синей.

Советский инженер владеет немецким языком и разговаривает с немцами.

— Куда едете? — спрашивает немец.

— В Сибирь, в Кеммерово, — отвечает русский.

— О, я слышал, что там сооружается большая электрическая станция.

— Да. Я еду туда в качестве инженера. Мы едем вместе с этим человеком, который сидит рядом со мной. Он назначен начальником всего строительства.

Немец смотрит на солдата.

Солдат сидит в углу дивана и неспеша с большим знанием дела ест курицу. У него солдатская борода, солдатское лицо, солдатская зеленая гимнастерка. Немец встает и знаком приглашает русского инженера в коридор. Там он спрашивает:

— Скажите, какое образование у этого... директора?

— У него нет никакого образования.

— О!

— По специальности он электромонтер.

— О! О! А, скажите: какова стоимость станции, которую он будет сооружать?

— Первая очередь обойдется в семьдесят пять миллионов рублей.

Некоторое время немец молчит.

— Знаете, — говорит он потом корректно: — я думаю, что это такое безумие, которое допустимо только в вашей дикой стране.

А солдат сидит в купе и все слышит и все понимает, потому, что жил не только в Германии, но и в Швеции, и в Норвегии, и в Дании, и в Финляндии, и в Западном Китае. Он просто предлагает немецкой женщине крылышко курицы. Она отказывается. Потом они сидят и смотрят друг на друга и думают каждый по-своему. Семьдесят пять миллионов рублей первой очереди! Немка смотрит на директора с чувством величайшего превосходства. Еще бы! Она только жена, всего-навсего жена, но, как и муж, окончила химический факультет и вышла замуж с высшим техническим образованием. А он, директор, он только монтер. И партия поручила ему руководить строительством величайшей сибирской электростанции.

Ах, чорт ее дери, эту немецкую жену. Она будет варить своему мужу спокойный, европейский суп. Суп — по формулам Лавуазье, Менделеева. Суп, суп, суп!..

Взбешенный, чрезвычайно обеспокоенный всем предстоящим, директор весело улыбается и предлагает за-

граничной жепе куриную ножку. Она отказывается. Он предлагает другую ножку, потом крылышко, другое крылышко, грудку, наконец, куриный задок. Она отказывается. Он иссякает. Они опять сидят друг против друга и думают каждый о своем.

... Изыскание трассы для воздушных магистралей пойдет на север, через сапрапелитовые месторождения Барзаса, через Анджеро-Судженские угольные копи — к Томску. На юг и юго-запад трасса будет проложена через Ленинские угольные копи, через Белово, где уже сдан в эксплуатацию первый цинковый комбинат, через Салаир с цинковыми месторождениями, через величайшие в мире залежи угля в Прокопьевске — к Кузнецкому металлургическому заводу...

... Если бы эта рыба знала, чего стоило простому солдату приобрести умение мыслить и излагать свои мысли. В 1915 году он подставлял свою голову под газ, и газ жег голову, и сбрасывал волосы — так он учился химии. Европа, капиталистическая Европа учила химии неграмотного солдата...

...Изменение экономической географии Кузнецкого бассейна имеет свое начало в постановлении ЦК ВКП(б) по докладу Уралмета. Сочетание стратегических и экономических интересов заставляет объединить весь Кузбасс в замкнутом энергетическом кольце Кеммеровской, Кузнецкой, Томской и Новосибирской районных станций. Опираясь на это кольцо, сможет стать на ноги весь бассейн: уголь, черные и цветные металлы, алюминий, химико-коксобензольный, туковый, электролитный, цинковый комбинаты, стекольный завод, фабрика искусственного волокна, электрифицированные железнодорожные линии Кузбасса и части главной Сибирской маги-

страли. При Кеммеровской тепло-электроцентрали будет установлена группа резервных турбогенераторов на случай аварий, и тогда при остановке, например, Новосибирской районной станции, местная промышленность сможет продолжать работу, переключившись на кольцевой ток.

... Она все смотрит на него, образованная рыба из чужого моря. Да, вот так он широко думает, государственно думает — солдат. В обожженном его черепе отражаются электрические лампочки купэ — сначала белая, потом ночная, синяя...

... В 1917 году неграмотный солдат в армии подучивает азбуку и работает в органах Наркомпрода. Потом партия посылает его на работу по внешней торговле в Германию, Данию, Швецию, Норвегию, Финляндию.

Через него в эти страны бьет ток высокого напряжения его страны, он сталкивается с миллионом вопросов, через которые проходит политика советской власти. Владеть своими мыслями, своей речью, владеть собою и, значит, всеми — вот что ему нужно. Солдат изобретает для себя жесткий режим — все свои мысли он излагает на бумаге, толкается к пишущим людям, к редакторам, журналистам, завидует, подражает, спрашивает, требует критики, исправления, помощи. Все свободное время он пишет, пишет.

Он покупает и выписывает все существующие на свете письмовники. Первое время он возится с ними почтительно и боязливо, потом выбрасывает, потому что по ним можно выучиться только блять, а не говорить. Тогда он начинает читать всех великих ораторов французской революции.

По ночам он будит семилетнего сына и произносит перед ним речь. Если сын увлечен, солдат ложится

спать удовлетворенный. Если сын равнодушно засыпает, солдат наказывает себя бессонной ночью над новыми книгами.

Наконец он может набело диктовать стенографистке. Он требует от себя большего — диктовать и одновременно вести разговоры с деловым посетителем. Он добивается этого, и во всеоружии ораторских и организаторских способностей едет в Западный Китай, в торгпредство СССР...

Теперь он знает, что вся нечеловеческая работа в Европе и Китае — это детская игра перед той ответственной работой, которая ждет его на постройке Кеммеровской тепло-электроцентрали. Если бы знал этот немец химик, вооруженный спокойствием филистера, какое беспокойство он нагнал на солдата своим замечанием о безумии, которое допустимо в этой дикой стране.

...Семьдесят пять миллионов рублей на строительство первой очереди! Сочетание стратегических и экономических интересов заставило партию изменить экономическую географию Кузнецкого бассейна сооружением энергетического кольца в 700 километров длиной, с постройкой гигантской тепло-электроцентрали Кеммерова на 500 000 киловатт. Трассы воздушной магистрали пройдут через тайгу на север, юг и юго-запад.

...Из манчжурского экспресса выходит в Новосибирске на перрон начальник строительства Кеммеровской тепло-электромагистрали, солдат империалистической войны — Виктор Филиппович Соколовский.

Четвертая очередь

Здесь, в дымном, черном, угольном коксобензольном Кеммерове, он встречается с Рамзиным.

Сойдя с поезда, начальник строительства находит на предполагаемой строительной площадке всеобъемлющую пустыню. Эта пустыня — Рамзин.

Начальник строительства сталкивается с отсутствием строительных материалов — дерева, цемента, сортового железа. Это отсутствие — Рамзин.

Виктор Филиппович Соколовский в последовательном порядке убеждается в полном отсутствии людей для строительства, в отсутствии планов и кредитов для осуществления порученных ему партией работ, в пустынном молчании центра в ответ на все запросы Сибири.

Все многообразие пустот и отсутствий — это Рамзин. Для пустот придумано специальное название: строительство четвертой очереди.

Единственный человек, который был обнаружен на площадке, так называемым хозяйственным способом заготавливал кое-какие материалы.

Заготовка материалов была поручена почему-то ссыльному, человеку провинившемуся перед советской властью, осужденному ею и поэтому скрывающему большую часть своей биографии.

Директор говорит медленно, очень значительно, тщательно расставляя логические ударения, — так, впрочем, он и всегда говорит:

— Я считаю, что невозможность для нашей партии построить Урало-Кузбасс — это невозможность построить социализм. Поэтому Урало-Кузбасс должен быть построен, и будет построен. У нас накопилось достаточное количество сил, чтобы давно известные мертвые залежи превратить в совершенно самостоятельный индустриальный организм.

Виктор Филиппович Соколовский считает себя лицом совершенно ответственным за выполнение этой партийной задачи.

Он создает управление строительством, управление без высшего технического персонала, потому что год назад в Кеммерове невозможно было достать не только лишнего технически грамотного, но и просто грамотного человека.

24 августа 1929 года было получено срочное телеграфное распоряжение Москвы о начале строительных работ по сооружению станции в 83 000 киловатт с пуском первого агрегата в апреле 1932 года. На площадке строительства в это время находились 41 рабочий, начальник строительства, два инженера, недавно окончивших вуз, один десятник — и ни одного килограмма материалов.

2 сентября вышел приказ Соколовского: *«СТРОИТЕЛЬСТВО ПРИСТУПИЛО К РАБОТЕ И ВСТУПИЛО В СЕМЬЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРОЕК»*.

Ошеломляющую самонадеянность этих слов в окружении рамзинских пустот понимал лучше всех начальник строительства. Но он полагал, что раз партия поручила ему известную работу и он это поручение принял безоговорочно, то партия в дальнейшем имеет право не принимать во внимание отсутствие материальных ресурсов, и людей, и чертежей, и главного инженера, и всю совокупность разнообразных отсутствий. Партия должна получить от него, Виктора Филипповича Соколовского, выстроенную и действующую теплоэлектроцентраль на заданное количество киловатт.

И солдатом империалистической войны Соколовским, у которого папаша неграмотный и всю жизнь работал

на табачной фабрике и теперь еще работает швейцаром в советском учреждении, а все братья — монтеры-электрики, — солдатом Соколовским был привлечен к работе город Щегловск поголовно.

Весь город Щегловск, имя которого теперь потускнело перед именем растущего предместья Кеммерово, весь город Щегловск — и шахтеры правобережного рудника, и рабочие левобережных коксовых батарей и химзавода, и советские служащие, и пионеры, и женщины, кончая основную работу, шли на строительство и рыли.

Город Щегловск рыл котлован под фундаменты.

800 человек ежедневно приходили и рыли котлован.

Директор тем временем тоже рыл. Он рыл склады города Щегловска. В течение первых 21½ минут гигантской проблемой Кузбасса он увлекал самых матерых заведующих городскими складами и они отдавали ему городское железо, городской цемент, городской лес.

И он возил все это к себе на площадку.

Город Щегловск, мечтавший похорошеть от розовой штукатурки, так и остался обшарпанным. Завскладами приходили в себя и хватались за голову при виде ограбленных красноречивым Маратом складов, а Соколовский уже затевал дружбу с начальником узловой железнодорожной станции Топки, которую соединяет с Кеммерово «сибирский апендицит», т. е. вялая ветка железной дороги.

Он дружил с начальником станции, и начальник станции от идущих через Топки товарных составов отцеплял по вагону железа, по вагону цемента, леса.

И Соколовский вез вагоны себе на площадку. Он говорил при этом медленно и попрежнему с пунктуально расставленными запятыми:

— Пусть город Щегловск не думает, что он — это социализм, и пусть те мелкие организации, у которых я на два дня украл вагоны, тоже не думают, что они — это социализм. Социализм в Кузбассе потому, что Кеммерово — это электричество, а электричество в руках партии — это социализм. А Щегловску и мелким организациям я отдам их штукатурку и вагоны через неделю, когда придут мои запаздывающие грузы.

И вагоны приходили, и директор отдавал их пострадавшим организациям через своего друга, начальника узловой станции Топки. А социализм в Кеммерово получал свое железо и лес.

Социализм нарастал и расширялся.

8 декабря центр прислал новое срочное телеграфное распоряжение:

„КОЛИЧЕСТВО КИЛОВАТТ ПЕРВОЙ ОЧЕРЕДИ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ДО 144 000. РАБОТЫ ВЕСТИ КРУГЛЫЙ ГОД В ТЕПЛЯКАХ“.

Так пришла зима.

Тепляки системы Соколовского

Прибыли уже 700 новых рабочих из деревни. Раньше они рубили избы, теперь рубили опалубку под бетон. Учил их этому инженер Янушевский — человек очень требовательный и легко раздражающийся в тех случаях, когда младший технический персонал не умеет или не хочет научить рабочих работать.

Температура падала. Строительство впадало в замешательство. На площадке не было технической силы. Замерзал бетон.

Виктор Филиппович Соколовский обратил внимание на некоторую растерянность техников — производите-

лей работ. В три часа ночи он попросил их к себе домой, напоил чаем и спросил:

— Я вижу, что вы в чем-то сомневаетесь. Сомневаясь, нельзя успешно работать. В чем дело?

— Виктор Филиппович, — ответили производители, подогретые чаем: — Чтобы выполнить задание по бетонным работам в срок, нужно работать открытым котлованом, иначе будет тесно. Но открыть котлованы зимой, значит, заморозить бетонные башмаки.

— Что это значит? — искренно удивился Соколовский.

— Летом, когда отстроим опалубку, башмаки рассыпятся.

Начальник строительства, не обладавший никакими познаниями в области железобетонных работ, очутился в некрасивом положении. Техники, созданные им ночью, сидели и ждали от начальника помощи.

— Виктор Филиппович, — говорили они, — сейчас шестьдесят градусов ниже нуля, нигде в мире бетон не работал в таком суровом режиме.

Что мог ответить солдат Соколовский? Он знал температуру ядовитого газа, знал конъюнктуру шведского и датского рынков, температуру классовых боев Западного Китая, но не это нужно было техникам.

— Суровый режим, о котором вы говорите, — ласково отвечал Виктор Филиппович, — это режим строительства социализма.

И он брал в руки карандаш. На клочке бумаги он рисовал форму настила.

— Откроем котлован, — говорил он при этом, — закроем его вот таким настилом. Против каждого башмака — вот такие люки, под настилом сварганим коксо-

вые печи (кокс возьмем с химзавода), и будет тепло бетону. Как вы думаете?

Техники думали, что это в общем выход, но еще мялись. Директор встал, ночная зеленая лампа блеснула в его розовом черепе, и он сказал:

— Тогда я беру все это дело на свою ответственность и приказываю завтра же утром приступить к открытию котлована. До свидания.

Потом он уже узнал, что техники всю ночь колебались, не знали: выполнить им приказание начсройства, или благоразумно пойти против субординации. Они колебались ночь, а наутро благоразумно выполнили. Так появились на свет тепляки конструкции солдата Соколовского.

Он изобретал, приказывал ввиду отсутствия специальных приспособлений подогревать инертные материалы, песок гравий просто на железных листах, под которыми разводили костры.

Но он был недоволен.

У него был большевистский государственный ум, но знания были плевые. Когда на строительстве день шел боком, когда рабочий день врал, валился и было дурное расположение духа, директор приходил домой и ночью утешался чтением книжек «Работа арматурщика», «Работа плотника», «Работа каменщика». Это успокаивало, но этого было мало. Книжки были на уровне рабочего. А он, директор, должен знать больше самого большого инженера. И он страницу за страницей рыл технические книги.

Но он был недоволен.

Чертежи его пугали. Он не понимал чертежей. Начальник строительства сидел с инженером за чертежами,

и инженер говорил: «нужно так» и указывал пальцем на синюю бессмыслицу чертежа, и начальник в ужасе слеп, и соглашался с тем, чего не видел и не понимал. Будучи в самом дурном расположении духа, он как-то молча забрал из управления чертеж к себе на дом. Он сидел с чертежом три ночи и тыкал пальцем во всякие микроскопические подробности, и сбоку писал, что, по его мнению, обозначает каждая подробность.

Через три ночи он с синим распотрошенным чертежом отправился к инженеру и попросил выслушать его чтение чертежа. Треть предположений оказалась правильной.

Он еще сидел ночи.

И добился, что теперь читает чертежи легко, две трети разбирает правильно, и только в одной трети колеблется. И все его теперь считают инженером, даже сами инженеры. Он вникает во все, всем может помочь и всех, в том числе инженеров, поправить. Весною он вызывает к себе пожилого, полного, респектабельного и опытного инженера. Происходит следующий разговор. Соколовский — спокойно, вежливо:

— Я слышал, что на реке, на насосной станции, которая вам поручена, весенняя вода внушает некоторое опасение.

— Виктор Филиппович, я только что оттуда, узнавал измерение подъема воды и думаю, что через три дня, до полного подъема, нам удастся кирпич убрать.

— Вы сами производили обмер?

— Нет.

— Может случиться, что обмер производил случайный рабочий, который не понимает всей важности уровня воды для строительства?

— Может, но я очень не люблю паники, Виктор Филиппович.

— То, что вы называете паникой, перед лицом стихийного явления (а разлив реки стихийное явление) есть разумная предосторожность. Давайте сделаем так, чтобы это был последний наш разговор о разливе. Я думаю, что приятнее будет покончить с этим делом и спокойно любоваться на красивый, но уже безопасный для нас разлив. Я думаю, что у вас в запасе для этого не трое суток, как вы сказали, а только сегодняшняя ночь. До свидания.

— Хорошо, Виктор Филиппович!

На другой день директор с инженером дружески любуются вскрывшейся, но не опасной теперь рекой.

В личной беседе Соколовский спокойно говорит:

— Сейчас я считаю себя способным вести строительство еще большей величины, чем Кеммеровское.

И это не самоуверенность, а трезвый учет сил, потому Кеммерово он ведет даже без главного инженера, и приезжие специалисты убеждены, что Соколовский — это и есть главный инженер.

134 башмака

Соколовский любит полную ясность в работе. Он не скрывает трудностей от рабочих, он даже преувеличивает их. Он хочет совершенно сознательного героизма от каждого.

Осенью он смотрит в окно:

— Дрянь, слякоть. Это значит — сапоги.

И идет к рабочим объяснять, что без сапог придется посидеть еще месяц. Они согласны, но Соколовский роет чьи-то склады и добывает сапоги через неделю.

Он разговаривает с новым машинистом:

— Вы семейный?

— Семейный.

— Детишки здесь?

— Здесь.

— Живете в бараке?

— В бараке.

— Плохо?

— Плохо.

— Вот так еще два месяца придется жить.

И через неделю дает семейному машинисту комнату.

Однажды к нему входит длиннобородый дядя.

— Орел! — сияет Соколовский. — Спасибо, что приехал!

Они целуются, долго разговаривают, и когда дядя уходит, Соколовский, продолжая сиять, рассказывает всем, что это крестьянин-плотник, который выстроил вот этот самый кабинет, а потом уехал в деревню, но Соколовский затеял с ним дружескую переписку, слал ему снимки строительства, рассказывал новости, и плотник сначала прислал Соколовскому работать тринадцать односельчан-плотников, а теперь вот приехал сам — бригадиром.

Ясность в отношениях с рабочими Соколовский вводит в систему. Встречаясь с ними, он каждый раз описывает грандиозное значение тепло-электроцентрали и трудности, которые стоят перед всеми. Он заказывает Щегловской типографии почтовые открытки со снимком будущей тепло-электроцентрали и бесплатно раздает открытки рабочим.

— Вот тебе вид нашей махины, хвастни перед своими, где работаешь. Может, соблазнишь.

Дефицит рабочих рук у Соколовского не очень высок.

Зимой он приезжает из Москвы и убеждается, что за его отсутствие темп работ сбив, отдельные участки задерживаются, трудовая дисциплина расшатана. Он издает срочный приказ:

ПРИКАЗ № 63

по управлению строительством Кеммеровской тепло-электроцентрали Энергостроя имени Запсибкрайкома ВКП(б).

г. Щегловск.

8 марта 1931 г.

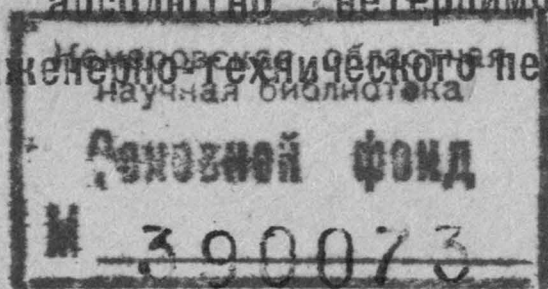
§ 1

Возвратившись из служебной командировки на строительство и ознакомившись с ходом строительства и положением дел на нем, устанавливаю:

1. Громадное недозыполнение квартального плана, вследствие чего на строительстве образовался серьезный прорыв.

Наличие прорыва внушает серьезную тревогу за судьбу строительства в части своевременного пуска первого агрегата первой очереди 1-го января 1932 года, как об этом говорят постановления партии и правительства.

2. Падение трудовой и производственной дисциплины, наличие на площадке случаев неподчинения распоряжениям руководителей отдельных частей и участков строительства и явного хулиганства со стороны отдельных рабочих, проявленного по отношению к техническому персоналу, абсолютно нетерпимое отношение части рабочих, инженерно-технического персонала и пер-

сонала управления строительством к своим обязанностям, — все это свидетельствует о величайшей опасности, нависшей над строительством, и обязывает руководящий состав строительства в кратчайший срок добиться решительного перелома в жизни строительства, приведя строительство в состояние, соответствующее званию ударного.

Кроме ряда объективных обстоятельств, неблагоприятно отразившихся на нормальном ходе работ, повлекших за собой соответствующее отставание в выполнении календарных планов, прорыв усугубился благодаря невнимательному отношению к правильной организации труда, рациональному использованию рабочей силы, рациональному использованию скудных ресурсов строительных материалов, что лежало на обязанности технического персонала строительства и в первую очередь на техническом руководителе инженере Д. М. Янушевском.

Постановление ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 года, обязывающее пустить Кемеровскую тепло-электроцентраль к 1 января 1932 года, и состоявшееся постановление президиума ВСНХ СССР 17 февраля 1931 года о включении строительства Кемеровской ТЭЦ в список ударныхстроек налагает величайшую ответственность на весь коллектив строительства в части своевременного пуска тепло-электроцентрали.

В целях изжития в кратчайший срок отмеченного и беспощадной борьбы за порядок на строительстве и поднятие трудовой и производственной дисциплины, для ликвидации имеющегося прорыва приказываю:

I. Установить с сего числа строительные объекты, очередность и важность их сооружения. Сооружения именовать под литером „А“, „Б“ и „В“.

К числу сооружений под лит. „А“ отнести береговую насосную станцию.

„ „ „ „ „Б“ — бараки для рабочих, столовую, баню и дом профсоюза и дома для персонала.

„ „ „ „ „В“ — все остальные объекты и отдельные работы строительства ТЭЦ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Сооружения под лит. „А“ следует рассматривать как сооружения особой важности, на которых производится работа в три смены.

2. Старшему производителю работ, Д. М. Янушевскому, в двухдневный срок представить мне на утверждение распределение всего рабочего состава по объектам, причем, учитывая всю серьезность работы по сооружению береговой насосной станции, необходимо направить максимальное число рабочих, независимо от их квалификации на этот участок работы.

3. Зав. ЭМО т. Лейбнер и заведующему механизацией т. Пружина немедленно подготовить все необходимое для бесперебойного обслуживания нужд отдельных сооружений.

4. Заведующему материально-хозяйственным отделом т. Тихонову под персональную ответственность в двухдневный срок выработать необходимые мероприятия для максимально быстрого прохождения исполнения требований и поручений руководителей отдельных сооружений, кроме того, путем личного разъяснения всему склад-

скому и агентскому составу своего отдела, предупредить о необходимости самого внимательного отношения к запросам руководителей сооружаемых объектов.

5. На моего помощника т. Бранецкого В. А. возлагаю обязанность обеспечения сооружаемых объектов автогужевым транспортом.

6. Всем рабочим и всему без исключения персоналу безоговорочно срочно и точно выполнять все законные распоряжения, исходящие от непосредственных и вышестоящих начальников.

Признавая совершенно необходимым создать в кратчайший срок на вверенном мне строительстве должный порядок, предупреждаю, что я не остановлюсь ни перед чем и всякого нарушившего настоящий приказ или отдельную его часть буду рассматривать как дезорганизатора производства с немедленной отдачей под суд в уголовном порядке. Техническому и административному персоналу о всех случаях неповиновения в исполнении даваемых распоряжений немедленно докладывать мне.

7. Настоящий приказ широко опубликовать на площадке строительства и разъяснить его существо всем работникам строительства.

Начальник строительства (В. Соколовский)

Копия верна:

Секретарь управления (Голубова)

На партактиве, который проходит мрачно, становится известно, что группа неустойчивых рабочих ведет себя вызывающе, топает ногами на прорабов и дурно влияет на своих товарищей. Соколовский требует, чтобы немедленно с ночного заседания весь партактив разошелся по баракам.

— Мне дайте самый тяжелый барак, — говорит он в заключение.

По дороге он снова вспоминает Марата и сына, который не должен был засыпать, увлеченный отцовскими речами. В бараке его встречают враждебно, но весело, потому что все-таки любят.

Он в упор предъявляет обвинение: «Про вас мне сообщили, что вы хулиганы, я с этим согласен». Затем он говорит:

— Сделаем так: остановим постройку, раскроем кассу, склады, возьмем оружие..

Спящие проснулись, бодрствующие сели на койки.

— ...возьмем оружие, уйдем все в лес, образуем свою республику.

Теперь все бодрствуют, некоторые одевают штаны, некоторые смотрят угрожающе.

— ...О нас, конечно, узнают контрреволюционеры, сбегутся, будет много народа. Нам помогут англичане, французы...

Кто-то снова снимает штаны, кто-то морду хочет бить Соколовскому.

— ...свергнем созетскую власть...

Честное слово, сейчас ему морду побьют.

— ...и станем рабами!

Все вздыхают разом, как спасенные утопленники, и не бьют морду Соколовскому, — они его поняли.

— И есть другой выход: потерпеть трудности работы еще месяц, год, окончить работу и получить благодарность страны. Так предлагаю я. А вчерашние ваши дела и речи — это не ваши речи. Это шпионы, враги кулачье вертит вашими языками. Вашу речь покажите

Тогда отъявленный лентяй надевает, наконец, штаны, бежит к выходу и требует, чтобы все за ним шли на работу к насосной станции. Сейчас же, ночью... Потому что Соколовский де его убедил.

Соколовский доволен, но на реку пускает только утром, потому что любит порядок.

И если теперь редкий летун осмелится удрать со строительства с казенными сапогами подмышкой, то свои же товарищи вытаскивают его из вагона, волокут назад и кричат Соколовскому:

— Вот он — взр!

Постепенно все становятся ударниками.

И 31 декабря 1930 года,
в 11 часов 28 минут по сибирскому времени,
**КОНЧЕНО БЕТОНИРОВАНИЕ ПОСЛЕДНЕГО
134 башмака ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ ФУНДА-
МЕНТНЫХ КОЛОНН.**

Перед этим строительство не спит три ночи.

Из Москвы приезжают три комиссии. Приезжают не верить своим глазам. Выясняется недоразумение. Комиссии ехали не верить 13 законченным башмакам — телеграф традиционно наврал и до Москвы донес не 134, а 13 башмаков. И там удивились достижению.

Приехали — а уложены не 13, а 134 железобетонных башмака.

ТОГДА МОСКВОЙ НАВРАВШЕМУ ТЕЛЕГРАФУ БЫЛА ЗАДАНА НОВАЯ РАБОТА — ПЕРЕДАЧА ПРОСТРАННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЭНЕРГОСТРОЯ СОКОЛОВСКОМУ, РАБОЧИМ И СПЕЦИАЛИСТАМ ЗА ПЕРВЫЙ В ИСТОРИИ ТЕХНИКИ ОПЫТ БЕТОНИРОВАНИЯ ПРИ ШЕСТИДЕСЯТИ ГРАДУСАХ МОРОЗА.

ПРИКАЗ № 102

по управлению строительством Кеммеровской
тепло-электроцентрали Энергостроя.

10/X 1930 г.

§ 1

8-го октября с. г. я прибыл для ознакомления с положением работ строительства Кеммеровской ТЭЦ, отстоящего на 4500 километров от центра; Кеммеровское строительство разворачивает обширный фронт своих работ при необычайных условиях.

Только 5-го августа с. г. в Москве было дано разрешение сооружать станцию на верхней террасе левого берега Томи. Выбранная верхняя площадка давала целый ряд технических преимуществ, по сравнению с прежним решением соорудить станцию внизу на берегу р. Томи.

Соглашаясь с соображениями местных сибирских краевых и районных организаций, Энергоцентр и правление Энергостроя признали необходимым немедленно, не считаясь с наступающей зимой, разворачивать строительные работы и признать строительство ударным.

Относимая до сего времени центром к строительству 4-ой очереди, постройка Кеммеровской ТЭЦ не могла быть в порядке плана надлежащим образом снабжена материалами, строительными машинами, транспортом, рабочей силой, спецодеждой, а также обеспечена техническими кадрами.

Дружными усилиями строительства и всех отделов правления Энергостроя 9 сентября с. г. работы получают энергичный толчок вперед и, развивая темп, накапливают необходимое ускорение.

Ленинградское отделение проектирует фундаменты колонн и высылает без задержки рабочие чертежи.

Только что формирующийся производственный отдел ЛОЭ командирует в Кеммерово для организации работ своих руководящих отделом сотрудников. Начальник строительства, не ожидая прибытия строительных материалов и машин из центра, развивает исключительную энергию и, используя всесторонне местные материальные ресурсы, создает возможность развивать работы изо дня в день, захватывая участки строительного фронта.

За три недели работ рабочий состав доведен до с лишком 700 человек рабочих.

На площадке параллельно с основными работами строятся временные сооружения. С обеих сторон площадка уже охвачена железнодорожными путями.

Для строительных работ проведен водопровод, одновременно обеспечивающий пожарную безопасность.

Один за другим открываются котлованы опор бункерного отделения, в которых следом делают подготовку основания, ставят арматуру и бетонируют.

Темп работ, проводимых в три смены, обеспечивает окончание бетонирования фундаментов бункерного отделения к назначенному сроку 13 октября с. г.

Вместе с тем составляется план дальнейших работ в тепляках, ко времени начала которых должны подойти материалы, направляемые сюда из центра.

Вся эта живая энергичная работа поддерживается энтузиазмом рабочих масс и небольшой группы технических работников, день и ночь неустанно создающих основание будущего гиганта.

Оставляя строительство, я рад буду подтвердить в центре о том здоровом единодушии и подъеме, с которым здесь работает весь коллектив строительства под энергичным руководством своего начальника строительства. Этот подъем — верный залог и дальнейшим успехам.

От имени правления Энергостроя благодарю начальника строительства тов. В. Ф. СОКОЛОВСКОГО, старшего производителя работ тов. ЯНУШЕВСКОГО, ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛ И ВСЕХ ОСТАЛЬНЫХ СОТРУДНИКОВ И РАБОЧИХ за проявленную преданность и энтузиазм к порученному нам партией и правительством великому делу постройки самой мощной в Союзе топливной централи и от души желаю дальнейших успехов в вашей тяжелой, ответственной, но исключительно необходимой для страны работе, завершающей на деле решение XVI партийного съезда о создании в кратчайший срок второго угольно-металлургического центра на востоке страны, именуемого Урало-Кузбасским Комбинатом.

Зам. предправления Энергостроя

(Паромонов)

Верно:

Секретарь строительства *(Голубова)*.

И может быть после этого Соколовский первый раз спит спокойно. Без Марата, без речей перед сыном, без смятенных прорабов, которые пьют чай в три часа ночи и говорят: «Виктор Филиппович, сейчас 60 градусов ниже нуля, — нигде в мире бетон не работал при таком суровом режиме»...

Изыскание трассы для воздушных магистралей высокого напряжения идет на север, на юг, на юго-запад...

Кокс

Турма Копикуза

В Кеммерове сначала были только угольные копи. Но теперь Кеммерово становится большим индустриальным центром, в котором сосредоточились химия, добыча нефти, электричество, уголь.

При коксовании угля, когда уголь не горит, а томится и отпускает газ, отходят смолистые вещества. При крекировании нефти, когда нефть тоже томится при невероятной температуре и отпускает бензин, отходят опять-таки смолистые вещества. Но в другом случае оказывается, что сама нефть может произойти от угля. Началось Кеммерово с Копикуза. Было такое акционерное общество «КОПИ КУЗНЕЦКОГО БАССЕЙНА» — Копикуз. В 1915 г. Копикуз решил строить на левом берегу реки Томи коксовую батарею, чтобы продавать сибирский кокс уральским металлургическим заводам.

К Копикузу отношение тогдашних заводчиков было ироническое. Бездарный русский капитализм в кузнечное месторождение не верил. Кроме того, слово было просто смешное.

Но Копикуз был отчаянный и в 1915 году начал

строить свою батарею, выстроил бетонную башню — турму, но до 1917 года ничего не успел, испугался, все побросал и выдохся в эмиграцию.

На берегу реки Томи осталась от Копикуза только замысловатая турма с гигантскими бетонными лапами, и неизвестно, что думали кеммеровцы об этой одичавшей турме.

А на правом берегу еще теплился, еще уходил в землю, еще рвал уголь амоналом рудник.

Тогда появился АИК. Он появился в 1921 году, когда страна была еще слабой от ран, и когда в Кузбассе превращали революцию в разбой бандиты Рогов и Новоселов.

АИК появился в глухом сибирском месте из Америки. Он был американский подданный, хотя состоял из 21 национальностей и разнообразных квалификаций. Это была Автономная индустриальная ассоциация — десятки рабочих, мастеров, специалистов, которым Америка не стала родиной и которые родину приехали искать в самом диком углу революции.

Для революции они привезли даже свои инструменты. Она была их домом. В этот дом они приехали, разложили инструменты и стали работать. Кто был шахтером — на руднике правого берега, кто был химиком — подошел на левом берегу к дичающей турме Копикуза.

А революция уже снимала повязки со своих ран, кровь остановилась. Революция росла везде и сразу, всей своей территорией. За четыре тысячи верст от Москвы, рядом с городом Щегловском, она подошла к турме Копикуза.

Немцы приняли участие в достройке коксовой батареи на 50 печей.

К тому месту, где у турмы кончались лапы, впоследствии сверху были прикреплены стальные троссы, переброшенные через реку Томь на правобережный рудник. Подвесная канатная дорога вправо несла пустые ковши, влево — ковши с кеммеровским углем.

Если задрать голову и смотреть на все это снизу, то наверху голубое море и по морю в разные стороны плывут черные лодки. Лодки с углем приплывали к башне-турме, уголь с них валялся в бункер, шел в 50 печей первой батареи и становился коксом.

Вторая батарея была выстроена в 1925 году, под руководством немцев АИК, но революция накопила достаточно умения для того, чтобы и советские специалисты приняли участие в работе. Возле турмы и батареи еще с 1916 года безвыездно жил и вырастал Андрей Акимович Ломаченко, мастер по строительным работам. Болтались на постройке второй батареи студенты томского политехникума. С 1923 года появился под лапами турмы ассистент Вейхель из того же политехникума.

Он тоже рос, учился у американцев и людей различных национальностей их умениям и был настолько гостеприимным и гордым хозяином советской страны, что мечтал не только брать от гостей их разум и опыт, но и гостям подарить кое-что.

В Прокопьевском руднике, на Киселевке, неумело лезли к углю американские предприниматели, и все их уважали за то, что они с техникой были запросто, как свои.

А у нас был только Волховстрой, хотя через несколько лет один из советских заводов — Ленинград-

ский металлический — стал строить по несколько Волховстроев за год, потому что научился изготавливать турбины по 24 и 50 тыс. киловатт, а теперь нацеливается и на все 150 тыс. киловатт.

Русский ассистент Вейхель брался за трудное дело. Нужно было строить третью батарею коксовых печей, и Вейхель, который к этому времени стал главным инженером химзавода, взялся строить батарею силами советских специалистов, по советским чертежам, из советских материалов.

Это вызывалось не только техническим самолюбием его, советского инженера. Не только отдельные советские специалисты, но и вся советская общественность была недовольна двумя первыми батареями Кемерово. Сто печей этих батарей были недостаточно стремительными. Урал предъявлял спрос на кокс для своих домен, химическая промышленность нуждалась в отходах коксового производства — в аммиаке и бензоле. В конечном счете это отражалось на судьбах не только уральской металлургии, но и сельского хозяйства всего Союза, потому что синтетический аммиак идет на азотно-туковые удобрения.

Таким образом, Кемерово, как только появились в нем первые коксовые батареи, сразу стало индустриальным центром, в котором сосредоточивались самые разнообразные отрасли промышленности.

И в Кемерово, в глухом сибирском углу, соединенном с внешним миром при помощи «сибирского аппендицита», как именуется ветка железной дороги от станции Топки до города Щегловска, в Кемерово начался процесс становления советской химии с четверенок на ноги.

Уголь добывался В ПРОКОПЬЕВСКЕ, В ЛЕНИНСКЕ
И НА ПРАВОМ БЕРЕГУ КЕММЕРОВО.

Уголь приходил к батареям поездами —
ИЗ ПРОКОПЬЕВСКОГО И ЛЕНИН-
СКОГО РУДНИКОВ И ВОЗДУШНОЙ
КАНАТНОЙ ДОРОГИ — ИЗ КЕМ-
МЕРОВСКИХ КОПЕЙ.

Уголь поступал к вершине бетонной башни турмы
и оттуда через бункера спускался
на конвейер и смешивался в уголь-
ную шихту —

Прокопьевского — 70 %

Ленинского — 10 %

Кеммеровского — 20 %

Затем конвейер нес смешанный поток углей к дробилке,
к дезинтеграторам Карра, и здесь вращением двух дисков
в разные стороны перетирался в мелкую массу, с точно
заданным удельным весом, с точным соотношением между
мелкими и крупными частицами — последние допускались
до 5 миллиметров в поперечнике.

Перемолотый уголь поступал в кальку — грузовой
трамвай, который ходил по верху коксовой батареи и
загружал все сто печей — по 8 с половиной тонн угля
на каждую.

И здесь доброжелательные американцы АИК уже
допустили некоторое промедление против возрастающих
требований уральской металлургии, заводов Химтреста
и совхозов Сибири и Юга. В печах уголь томился, он

и должен был томиться, но он томился слишком медленно — 31 час. Это объяснялось чрезмерной шириной печей.

Главный инженер Кеммеровского завода Валентин Александрович Вейхель, воспитанник томского политехникума, бывший ассистент завода, высокий, седой, но еще молодой человек, взялся строить новую, третью, батарею на 50 новых печей, более быстроходных, вернее, более быстрогорящих, чем сто старых печей. Продолжительность процесса коксообразования соответствующим сужением печей следовало свести с 31 часа до 16 часов.

И это было трудно. Не забудем, что дело происходило в 1928 году, когда еще очень многие отрасли нашей промышленности были послушными воспитанниками европейской и американской техники. Это теперь мы присутствуем при зарождении новой техники с повышенными нормами производительности труда в социалистической промышленности и в сельском хозяйстве. Это теперь наши шахтеры, переходящие на добычу угля полным циклом, заявляют, что немецкие врубовые машины по своим техническим возможностям меньше тех требований, которые предъявляет к ним система Касаурова в Донбассе и Олешко в Кузбассе, потому что коэффициент нагреваемости немецких машин рассчитан совершенно точно и настолько велик, что, при найденных нами новых возможностях использования машины, она не выдерживает и перегревается.

Теперь самые гигантские комбайны Америки все же меньше наших требований, потому что социалистическое обобщественное хозяйство больше фермерского поля американцев.

Но это выясняется теперь. А в то время даже карандаши нам делал американец Гаммер.

Но Вейхель взялся за батарею и был назначен начальником постройки. Рядом с ним работал рабочий Ломаченко, который успел стать большим специалистом по коксожжению. И тут же работал один из инженеров АИК — американский подданный Николов, болгарин по национальности, заместитель заведующего проектным бюро.

Третья батарея стала вопросом советского самолюбия Вейхеля, хотя сам-то он едва ли успевал об этом думать. Была возня с проектами, чертежами. Была грызня из-за особо стойкого кирпича для печей и камер горения.

Главное было страшно: а вдруг все завалится? Всем сердцем был погружен Вейхель в работу.

С чертежей дело перешло на землю, ушло вниз фундаментом печей и подземными коридорами, где должны будут находиться газопроводы с градусниками подмышкой.

И наверх вышли камеры 50 печей — их уже начал выводить Вейхель.

А сверху покрывал всю эту работу огромный деревянный тепляк, под которым спасался от сибирских климатических неожиданностей хрупкий огнестойкий кирпич.

И Кемерово росло. Сибирь росла.

В Новосибирске Сибплан в ответ на какую-то не очень значительную справку центральных учреждений разработал и издал огромный том в три кирпича толщиной — генеральный план развития сибирской промышленности. Вместо одной электростанции, о которой что-то запрашивал центр, Сибирь собиралась строить несколько десятков станций и подстанций. Основная,

на 560 тыс. киловатт, проектировалась для Кеммерово. И в Кеммерово же предполагалось завести собственную нефть для внутрисибирских нужд.

Впоследствии один из работников Сибири писал:

„По данным, опубликованным в „Материалах к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края“, в 1932/33 г. для сельского хозяйства и автотранспорта по самым минимальным подсчетам потребуется:

бензина	147 тыс. тонн		
керосина	1015	„	„
масла	105	„	„
сырой нефти и			
мазута	100	„	„

Доставка такого количества жидкого горючего на расстояние свыше 4 тыс. километров встретит чрезвычайные затруднения как в отношении обеспечения необходимым количеством цистерн, так и в отношении своевременности доставки продуктов к месту потребления. В результате этого будут перебои в снабжении тракторов и автомобилей, что отразится на выполнении намеченных производственных планов сельского хозяйства и промышленности“.

Необходимо завести в Сибири собственную нефть, если в Сибири нефти нет, то ее нужно выдумать.

„Организацией в Сибири производства по добыче из сапранелитовых, бурых и газовых углей нефтепродуктов не только устраняется необходимость транспортирования указанного количества жидких горючих с Кавказа, но также увеличивает общий баланс жидкого топлива, освобождая тем самым соответствующее количество нефти для экспорта“.

И Сибирь уже знала, как сделать себе нефть, если в Сибири нефти нет, — полукоксованием угля барзасских месторождений.

Но чтобы овладеть техникой полукоксования, нужно сначала как следует поставить коксование углей, накопить опыт.

Это лежало на Вейхеле.

Он вывел из земли камеры. Он давно соорудил деревянный тепляк.

Он уже освобождался от заграничных костылей.

Он горел. И уважением, переходящим в любовь, его уважали все рабочие Химзавода за полное слияние человека с его работой, а его работа сливалась с величайшим подвигом страны.

Раз ночью, из-за небрежности слесарей, плотников и монтеров, проводка электрической линии пришлась слишком близко к дереву. Была случайная искра, и грандиозный тепляк над пятьюдесятью выведенными камерами спорел до тла.

Когда Вейхель узнал об этом, он прибежал на место постройки своей батареи.

Оно выглядело омерзительно.

Он качал головой. Он кривил губы.

Он отправился домой. Устало дожид до вечера, до ночи, до следующего утра. Он был очень огорчен. При утреннем свете разоренная батарея выглядела совсем плохо.

Днем Валентин Александрович Вейхель умер от разрыва сердца. К этому не было иных причин, кроме огорчения честного советского специалиста. Каждая неудача казалась ему очень большим бедствием.

Время было самолюбивое.

Вторая стадия в процессе коксожжения

Третья батарея коксовых печей была достроена при участии Ломаченко, который стал прорабом, инженера Николова, инженера Евсея Александровича Варина, младшего соратника Вейхеля по томскому политехникуму, и многих других.

В декабре 1929 года батарея всеми 55-ю печами вступила в строй. Длина печей равнялась 11 метрам, ширина 480 миллиметрам. Печи были быстроходные и давали кокс через 16 часов после завалки.

Процесс коксожжения, о котором начат рассказ, после завалки угля трамваем-калькой продолжается так: в печах уголь, идущий под кокс, не горит. Другой уголь, похуже, не коксующийся, а энергетический, горит в камерах горения, расположенных между печами. Камеры устроены так, что пламя из них не проникает в печи, а только обжигает их.

А в печах томится коксующийся уголь. Томится в новой, третьей батарее 16 часов.

Слово «томится» — технический термин. Когда уголь томится в печах, он переживает очень большую температуру, в результате особой технической реакции распадается, отпускает газ и становится коксом.

Затем происходит то, что делает Кеммерово Кеммеровым, что составляет предмет удивления всех приезжающих.

Появляются коксовыталкиватель и коксотушилка.

Коксовыталкиватель ходит по рельсам вдоль батареи с левой стороны. В жерло печи он вводит 11-метровую штангу. И начинает теснить истомившийся, слежавшийся кокс через 11-метровую ширину батареи.

С другой, с правой стороны батареи тоже на рельсах появляется черная прожженная коксотушилка.

И тесным коксовыталкивателем, розовый шеститонный «пирог» кокса через 16 часов томления в печи вылезает на свет, затмевает свет своим пылом и ползет в коксотушилку. Коксотушитель хладнокровно обдаёт пылающий коксовый «пирог» водой. Тогда над Кеммерово встает неожиданное белое облако и идет от Химзавода к небу. Оно пахнет сероводородом.

Это облако подолгу ждут в Кеммерово любители зрелищ.

Оно встает 150 раз в сутки. По числу печей во всех трех батареях. 150 порций кокса выдает железной дороге Кеммеровский завод. И кокс идет на Урал в доменные печи, но его нехватает, поэтому теперь и Ломаченко и Николов и Варин и множество других людей строят в нескольких стах метрах от Химзавода новую четвертую батарею, и такую же батарею строят рядом в Кузнецке, так что к 1933 году Кузбасс сможет давать по два миллиона *т* кокса в год.

Но и этого нехватит Уралу

Коксовые батареи во много раз большие кеммеровских и кузнецких возводит еще и Магнитострой. Тепляк этих батарей тянется на площадке строительства почти на километр.

Но и этого Уралу нехватит

Потому что 17 миллионов тонн чугуна в год по заданию партии — это действительно ответственная задача.

Но существует еще много других задач.

Поэтому газ, отходящий при томлении коксующегося угля из печей по трубам, идет вверх в жолоб-барельет, оттуда эксгаусторами всасывается в рекуперацию и через холодильники поступает в скрубберы, или иначе, ловеры. Здесь коксовый газ промывается водой. Вода вылавливает аммиак. Опустошенный газ идет в следующее отделение, где его опять купают в креозотовом масле, отчего он отдает скрытый в нем бензол.

Но и теперь его еще не оставляют в покое. Его гонят обратно в коксовые печи, там он содействует увеличению температуры, томящей уголь, и только тогда ему разрешают сгореть.

В конце концов из Химзавода, куда поступил только уголь, выходят наружу три продукта — кокс для металлургии, аммиачная вода для Березниковского содового завода и бензол — в Анилтрест.

Впрочем, толстая книга материалов к пятилетнему плану развития сибирской промышленности предполагает найти новое применение для аммиака в азотно-туковой промышленности, которая насаждается тоже в Кемерово и которая снабдит сельское хозяйство Союза азотистыми удобрениями.

Но нефть, нефть должна выдумать для себя широко-растущая Сибирь. Нет нефти в Сибири. Будет нефть в Сибири — всеми своими пятью фунтами веса настаивают «Материалы к пятилетнему плану».

Уголь становится отцом нефти

За 60 километров от Кемерово гужом, волоком отправляется в Барзас оборудование для эксплуатации нового угольного месторождения.

Толстая книга Сибплана в три кирпича толщиной разыскала здесь странный жирный уголь — сапрапелит.

Начинается страшная спешка. При изыскании трасс для замкнутого энергетического кольца Кузбасса, питаемого пятью электростанциями, принимается в расчет магистраль высокого напряжения Кеммерово — Барзас. В Барзас пойдет ток. Барзас соединит с Кеммеровым электрифицированная железная дорога. Не имея нефти, Барзас даст нефть. А пока в Барзасе, по три месяца в год бывают отрезаны распутицей от внешнего мира шахтеры и штейгера. Пока сапрапелит тем же гужом, тем же волоком перетаскивается за 60 километров в Кеммерово и сваливается в кучу под очень нехитрым навесом.

Тут же несколько человек вузовцев и один старый рабочий Химзавода возводят опытную установку для полукоксования барзасских углей, которые дадут нефть.

Так просто и непривлекательно начинается в Кеммерово новая проблема. Нарастают все новые отрасли промышленности. Уголь тянет за собой химию, химия рождает нефть, — тут же вырастает производство удобрений, и наконец все эти отрасли индустрии вызывают к жизни мощную электрификацию Кеммеровского промышленного узла.

На Химзаводе дежурный техник П. Устюгов при обсуждении контрольных цифр 1931 года предложил **УВЕЛИЧИТЬ** цифру по коксу в **КЕММЕРОВО** с **316** тысяч тонн до **360** тыс. тонн увеличением удельного веса угля, загружаемого в камеры. Тут же быстро объяснил, что если, например, мы возьмем крупные камни и в промежутках насыпем мелкий песок, то все пространство в каждом данном сосуде будет максимально заполнено.

Поэтому Устюгов, кандидат партии, заведующий отделом рационализации, предложил изменить в угольной шихте соотношения между крупными и мелкими частями угля, чтобы при том же объеме печи заполнить ее большим количеством будущего кокса.

Вот и все. И **ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ** завода может быть **УВЕЛИЧЕНА** с **316** до **360** тыс. тонн.

Наличие в Кеммерово коксобензольной промышленности и производство серной и азотной кислоты делает его основным центром химической промышленности в Запсибкрае и предопределяет грандиозное развитие во втором пятилетии.

...А знаменитый сапрапелит выглядит очень невзрачно — просто тусклый пластинчатый уголь, который напоминает немного слежавшуюся слюду и сверху бывает покрыт серым или ржавым налетом...

Человек и уголь

Бездарное и нищенское прошлое этого единственного в мире месторождения удручает с первого взгляда.

Геологи, инженеры, забойщики, заброшенные в сибирский рудник с других рудников Союза, буквально влюблены в Прокопьевск — самое счастливое и самое несчастное место земного шара. Любовь эта невеселая, трагическая; многие энтузиасты сломали себе шею, пытаясь совладать с прокопьевским углем. При первой же встрече с ним их било в грудь и сшибало с ног рудничное прошлое. Сейчас эти убийственные удары с трудом выносит Шевченко, управляющий рудником, человек, который спит два часа в сутки.

Судьбу Прокопьевска можно прочесть во внешнем виде той местности, где он расположен.

Разъяренные, гибнущие горы, с красными дырами в туловищах, стоят над головой рудника. Лиловый и зеленый от угля снег липнет к воспаленным кровоподтекам. Это — прокопьевское прошлое.

Геологическая картина рудника замечательна тем, что мощные пласты угля выпирали здесь из недр к самой поверхности.

На этом угле вспухли горы.

Лучший в мире уголь, превосходящий по качеству английский кардиф, долго ждал человека и в полном одиночестве рожал в пустыне дикий кирпич.

Через тонкую корку почвы он слышал реяние кислорода в воздухе и самовозгорался. Угольные пласты под землей облежала глина, и глина горела и становилась кирпичем. В толще сибирских гор образовался естественный кирпичный завод. Обожженные горы извивались, гибли, обрастали кирпичными кровоподтеками. Самоубийство талантливой, щедрой, но неиспользованной природы совершалось в большой, бедной стране, в России. Человек, населявший ее, не замечал самоубийства угля потому, что был занят своими собственными несчастьями. Было его в царской России 160 миллионов.

Аба

Внизу у подножья гор извивается черная, страшная речка. Она воплощает собой настоящие дни Прокопьевского рудника.

Страшная речка никогда не замерзает и устало течет через зимний снег и летнюю траву. Вид у нее заморенный. Зовут ее Аба. Она испускает слабый, усталый пар и медленно пробирается через деревянные эстакады с горами угля, через шахтные копры, накрывается дощатыми мостиками, прячет голову под железнодорожную насыпь и нигде не может спастись от грохота, свиста, гула, радости и слез шахтерского логовища.

И Аба с людьми мучается, и люди с ней мучаются. Пить ее воду нельзя. На электростанции Абу проклинали — от нее турбины обрастают страшными опухо-

лями на лопатках, рычаг и останавливаются. Пришлось перейти на питание стационарных котлов подземной шахтной водой. Несчастную реку до глубины души презирают шахтеры, вылезавшие из-под земли: мыться абинной водой нельзя. Самый вид ее неприятен и ядовит — черная, жалкая лужа в канаве. Шахтеры идут в мойку и смывают уголь той же шахтной водой. Она идет взрывами и вдруг пропадает. Черные распаренные люди с клочьями мыльной пены на теле вырываются из мойки в сибирскую ночь и оттираются снегом.

Картина этой речки — это картина всей грустной жизни рудника, который начинает эксплуатацию величайшего в мире месторождения.

Великолепная, фантастическая щедрость природы на этом участке земного шара, как нельзя более соответствует задачам поднимающейся социалистической страны; но отсюда же начинаются трудности.

Там, где вчера не знали, что такое электрическая машина, где потом весь рудник обслуживала ветхая машина из московского Малого театра в 150 лошадиных сил, где до сих пор не только шахтеры, но многие инженеры сомневаются в способности врубовых машин обогнать железную кайлу, — там нужно поднять из недр пачку угольных пластов, превосходящих своей мощностью самые знаменитые копи мира.

Процент угленосности прокопьевских недр равняется 14 — это значит, что в толще земной коры здесь залегает 21 угольный пласт, занимающий 14 процентов всей подземной площади. Ширина пластов составляет гордость и ужас прокопьевских горняков. Это — мощные пласты от 3 до 9 метров и типично мощные пласты от 9 до 16 метров в поперечнике — невиданное явление

ние потому, что в том же Донбассе геологи раздражаются залпом торжественных телеграмм при обнаружении пласта в 3—4 метра шириной.

Прокопьевский рудник — единственный в мире рудник, где эксплуатацию недр можно производить шахтами-гигантами на 8 миллионов тонн угля в год. Руда горы Магнитной станет чугуном при помощи именно прокопьевского угля.

Но вся трудность состоит в том, что поверх этой гениальной кладовки земного шара до сих пор течет страшная Аба технической отсталости, бедности, промышленного худосочия — сгусток русского XIX века на территории социалистического индустриального государства.

Столкнувшись с невиданными до сих пор толщами угля, человек в Прокопьевске растерялся. Вдруг он стал страшно одинок. Во всем мире не оказалось такого места, где можно было бы спросить: а как же следует разрабатывать эту сплошную стену угля?

Прокопьевские пласты, сложенные вместе, образуют угольную стену в 132 м высотой. Сюда можно засунуть весь Донецкий бассейн, и еще несколько пластов останется на покрывку.

Ошеломленные геологи в 1928 году разразились 16 системами разработок — буквально по отдельной системе на каждый метр типично мощного пласта. Это была своеобразная трагедия расточительства: человек в ужасе бегал под землей перед свалившимся на него богатством и пристраивался к нему то с той, то с другой стороны. Но все было мишурой перед чудовищной толщей великолепного, длиннопламенного угля. Так были исковерканы многие угленосные участки. Оказы-

вается, использовать исполинское месторождение труднее, чем найти его.

Человеческая порода сталкивается с породой угля.

Это подземное столкновение пород трясет рудник с такой силой, что он теряет 50 процентов того угля, который ждет от него страна. Рудник встанет на ноги, когда человеческая порода победит. Но для этого она сама должна быть переделана.

Как зажигается карбит

Три раза в сутки на всех шахтах и штольнях рудника, из черных раскомандировок выходит тяжелая лава шахтеров.

Она разливается по склонам сопки, по горным логам. Светлые ручьи огня текут во все стороны, движутся, сталкиваются вверху и внизу, справа и слева, во всем черном мире рудника.

Огненные потоки состоят из отдельных огоньков — людей. Светлое рудничное море, омывающее сопки тремя проливами и отливами — это человеческое море. Шахтер медленно идет из раскомандировки с огнем на лбу, черный одноглазый циклоп. Огненный язычок карбитной лампочки прикреплен к брезентовой лодманской шляпе. Он дрожит и снопиком света закрывает лицо шахтера.

Человеческое море омывает рудник и в громе клетьевых машин исчезает под землей.

Вместе с ним спускается вниз, к толщам угля, неизвестность. Шахтер ушел под землю, все видели этот карбитный огонек. Но никто из командиров рудника не разглядел лица шахтера и его огонь — не карбитный, а человеческий.

Карбитная лампочка, привезенная от немцев из Рурского бассейна, зажигается водой. Еще не горящий опонь, спрятанный в серых карбитных камнях, сначала толкут ступкой в ведре. Потом насыпают в лампочку, обрызгивают водой, и карлик-прожектор начинает сиять на шахтерском лбу.

Так зажигается карбит. А как зажигается человек? Вот он ушел под землю с закрытым лицом; что он унес с собой, кроме мокрого карбитного огня?

В подземных коридорах, обрызганный шахтной водой, он пробирается через отвесные печи, которыми дышит шахта, в самую толщу угля, в бесчисленные лавы, забои, где нарушены все пропорции и законы верхнего, солнечного мира. Здесь почва не лежит смиренно под ногами. Она сбрасывает с себя человека и вздымается отвесной стеной; человек ползет, цепляясь за уголь. Деревянный лес креплений растет не вверх, а вбок, как на экваториальном склоне земного шара в представлении средневековых людей.

Разбросанные, оторванные друг от друга толстыми стенами угля, шахтеры остаются там на все шесть часов. И все шесть часов надземный мир рудника ждет, что даст эта очередная встреча безликого человека с углем.

Чаще всего она дает снижение добычи. Каждая шахта, или штольня оставляет в земле 200—300 т угля.

На каком пласту — «Горелом», «Безыменном», «Лутугинском», «Мощном»?

21 пласт молчит. Уголь выходит из земли такой же безликий, каким спустился к нему шахтер.

Наверху, в рудничной конторе пронзительный и весь

какой-то прожженный, нервный человек — инженер Дунаев — пытается схватить в свои руки всю толщу угля, со всеми светящимися ручьями людей под землей, но мучительная слепота его парализует. Он раздергивает воротник у горла и звонит в Центральную штольню, в правое плечо рудника:

— **ДОБЫЧА?**

— **НЕДОДАНО СТО ТОНН.**

— **Где, на каких участках?**

— **Неизвестно.**

Дунаев слепнет еще больше и звонит на шахту № 2, на Голубовку, на штольню Угловую. Дребезжащий звонок обегает сопки, поднимается к штольням, спускается к шахтам, нанизывает новые и новые тонны недобычи, возвращается назад и расстреливает инженера пачкой тупых, одинаковых слов:

— **Неизвестно... неизвестно... неизвестно...**

Вернувшись из шахт, черный, страшный Дунаев до двух часов ночи работает в рудничной конторе. Воспаленные окна его кабинета тревожно смотрят в рудник. Наконец Дунаев растерянно, виновато улыбается, — что делать: он так влюблен в прокопьевский уголь и так еще беспомощен в обращении с ним. У этого гениального неоперившегося рудника, удивляющего весь мир, покорившего американских экспертов, нет никаких традиций, которыми давно обросли и держатся самые жалкие руднички челябинского, подмосковного, донецкого угля. Прокопьевские пласты носят людей, как хотят, держат их в постоянном страхе и сбрасывают со своей спины весь ералаш систем, с которыми подкрадываются к ним инженеры.

ЗДЕСЬ ЕЩЕ НЕ ПРИЗНАНА МАШИНА.

Величайшие в мире копи эксплуатируются помощью ручной добычи. А ручная добыча — ЭТО ТАКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, при котором каждая вагонетка — ЭТО УПРЯМЫЙ, никому еще не подвластный характер того человека, который ее наполнил. И **400 ВАГОНЕТОК** — ЭТО **400 РАЗЛИЧНЫХ ХАРАКТЕРОВ:**

ЭНТУЗИАЗМ
БЫСТРОТА
ГЕРОИЗМ

И ЛЕНЬ,
И МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ,
И РВАЧЕСКАЯ МЕРЗОСТЬ —

все это разбросано по вагонеткам, медленно выплывающим из черного жерла шахт.

Как руководить этим потоком людей-вагонеток? Как охватить породу людей и повести ее в единоборство с породой угля?

Неизвестно.

Безлицый шахтер с огнем во лбу спустился вниз. Сотни забоев заполнились людьми, взорвались отпалкой, снова опустели. Но рудник не получил 200 т угля.

Где? Неизвестно. Почему? Неизвестно.

С обморочной медленностью безлицый циклоп возвращается по шпалам домой в землянку: Брель, Нестеров, Панов... три тысячи Нестеровых и Брелей.

Брель, впрочем, не знает, куда идти, тычется туда и сюда у подножья сопок и в страшной тоске возвращается в раскомандировку. Он — бесквартирный.

Раскомандировка

Раскомандировка сразу убивает Бреля. Зловонная избяная яма, черная, как обморок, в сто тысяч раз

страшнее, чем сама шахта. На стенах тоскливые плакаты первой помощи: мертвенно-серые люди подвергаются на картинках страшным мукам. Им закатывают вниз головы, поднимают руки над головой, зажимают пальцами кровоточащие раны, раскачивают локти вверх и вниз, останавливают кровотечение, возвращают дыхание. Все это полезно знать шахтеру, мало ли что может случиться. Но почему в раскомандировках нет ничего, кроме этих ужасов? «Жизнь шахтера совсем не так страшна», — думает Брель тоскливо.

Полуголый, никому не нужный, он ложится на вонючий пол и спит до утра.

Утром начинается разводка первой смены.

Теперь даже сам Брель не видит своего лица.

Десятники рассаживаются за стеной раскомандировки и раскрывают к шахтерам дырки-окошки. Вонючая избяная яма тарахтит ведрами с карбитом. Отпальщики поделили жирный динамит и уложили его за спину в мешок. Недовольные дырявой спецодеждой сезонники вдоль и поперек обложили раскомандировку обстоятельным матом. Раскомандировка последний раз показала свое лицо, стихла и выстроилась перед дырками-окошками.

Теперь они не узнают себя. Вот еще вчера каждый из них был другим. Вчера Брель врубался в уголь на третьем Севере, оброс с головы до ног несчастьями этого шахтного угля и осатанелый вылез наверх разносить всех чертей, что не дали во-время свет, вагоетки, крепежный лес.

Сегодня Брель уже не хозяин этого угля на третьем Севере. Десятник посылает его на четвертый Юг. А вчерашняя злость, потраченная на Север? Едва

вспыхнувший вчера хозяйский огонек у Бреля потух. И Брель окончательно путается и забывает свое лицо, когда его, вчерашнего крепильщика, сегодня посылают на разборку угля, на доставку леса, во всякую дыру, которую из-за нераспорядительности штейгеров во что бы то ни стало нужно заткнуть лишним человеком.

Раскомандировка в Бреле и во всех Брелях, что стоят рядом с ним, убивает самостоятельность, волю, шахтерское чувство хозяина. Совсем другое слышал Брель о заводе — там каждый имеет свой станок, он стоит перед ним и видит все его слабости и тут же исправляет их. А на шахте Брель каждый день мотается на новое место, на новую работу; он переменил 10 специальностей. Кто же он такой, в конце концов? За что он отвечает перед шахтой?

Карбитный огонь вспыхает во лбу Бреля. Человеческий огонь в нем тухнет.

Безлицый шахтер спускается под землю. Снова шахта барахтается в бестолочи разбросанных во все концы людей. Жалкий, расшибленный раскомандировкой человек одиноко бьется в гениальной толще угля. Угольная порода твердо противостоит разбитой человеческой породе и — побеждает. Наутро шахта не выдает на эстакаду 200—300 т угля. Инженер Дунаев слепнет в конторе от безыменного, безликого прорыва, которым издерган рудник.

Раскомандировка осталась на руднике от царской шахты, где шахтеров держали в этой черной дыре, как лошадей в конюшнях, и разгоняли на работу по разным углам вместе с теми же подземными лошадьми.

Но что делает раскомандировка в 1931 году?

Опять полуголый Брель приходит спать в ее зло-

вонье. Снимает с ног мокрые сапоги, выжимает портянки. Однако сегодня шахта порядком текла. Брель спит. Он приехал из Белоруссии. Ему говорили, что шахта выучит его, крестьянского парня, — он станет человеком, хозяином своей жизни.

Но в раскомандировке он не узнает самого себя.

Брель потушен.

Святая обязанность Бреля

Но люди наконец встречаются в светлых шахтерских ручьях, оmyвающих сопки. Они смотрят друг другу в лицо.

К Брелю подходит Нестеров — мрачный, сутулый, большеголовый забойщик. Он говорит:

— Мне нужен крепильщик.

Брель удивлен, что простому забойщику нужен крепильщик, как будто Нестеров стал десятником, но Брель идет и видит, что Нестеров собрал еще и откатчиков, и лесодоставщиков, и вагонолопатчиков. Все это — шпана, только-только понюхавшая шахту, беспризорная голь; но Нестеров собрал ее в кучу и повел на четвертый участок Севера в забой.

Куча собранной вместе шпаны разбивается Нестеровым на отдельные стайки.

— За это место будем перед шахтой в ответе, — бормочет Нестеров, заикаясь от обилия мыслей и планов. — Никто нам не поможет. Сами будем рубать уголь, спускать лес, крепить и откатывать, и никакого чорта! Наша святая обязанность.

Брель вдруг чувствует на своих плечах стопудовую ответственность за то, чтобы крепильные работы шли следом за проходкой забоя. Другие отвечают: за до-

ставку леса, за разборку отпаленного динамитом угля, за откатку его к устью печи, откуда он с громом сыплется в основной штрек, и коногон увозит шести-вагонный поезд к стволу.

Все это ново и странно, потому что еще вчера Брелю не было никакого дела до того, кто и когда доставит сверху крепежный лес. Не было леса — сидел и ждал, и три тысячи других Брелей тоже ждали кого-то, и лавы, зоны, забои стояли. Стоял уголь.

Множество отдельных процессов под землей — работа забойщиков, крепление штреков и лав, проходка печей вверх, откатка угля, доставка крепежного леса — все это распылялось между десятками ничем между собой не связанных людей, которые сегодня работают на Севере, а завтра на Юге шахты и потому не отвечают за добычу ни Севера, ни Юга.

Собранная вместе «шпана» Нестерова объединила все эти процессы в своей бригаде. Добравшись до забоя, бригадир распределяет обязанности между всеми, и, если теперь забойщик принужден остановиться из-за того, что кровля не укреплена, то он знает, что задержка произошла внутри его бригады. Он подтягивает за собой крепильщиков и врубается дальше. А еще вчера он сидел бы и ждал, когда кто-то на шахте догадается прийти и обеспечить бесперебойный ход забойщика в уголь.

Ошеломленный своим неожиданным весом и значением для шахты 2, Брель приходит в бешенство от всего, что мешает его бригаде извне. Черный, яростный, он бежит к Нестерову:

— погоди, я сейчас покажу этим сволочам наверху, как без света держать!

И вся шпана готова бежать наверх и громить весь подсолнечный мир за остановку. Но Нестеров даже в предстоящем скандале требует порядка и распределения сил. Наверх он посылает одного, и этот один в шахтной конторе наверху устраивает такой ералаш, что электростанция, монтеры, технорук дают свет и все, что нужно забою, вчетверо быстрее. Отвечая за свой участок, шпана чувством ответственности за шахту пронизывает всех сверху донизу. Она уже снимает с дороги плохих работников, она хозяйничает.

— Моя святая обязанность... — перенимает Брель у Нестерова бормотание, — моя святая обязанность, чтобы укрепить лесом кровлю. А твоя святая обязанность, если ты есть технорук, — дай мне лес и все, чего полагается.

Ячейка комсомола дает шпане командира-коммуниста Панова. Это тоже двигает уголь. Панов дает Брелю жилье, сапоги, книгу. Он дает ему также в руки всю большую страну, хозяином которой он убеждает стать Бреля. Панов делает Бреля комсомольцем.

Брель забывает о раскомандировке и в свою смену идет из барака прямо в шахту, в свой забой, мимо этой черной дыры, где все еще галдят и тухнут перед десятниками шахтеры-одиночки.

Человеческая порода против стены угля сбивается тоже в плотную человеческую стену. Однажды черный инженер Дунаев замечает, что вместе с ним ведут рудник три тысячи Брелей, и три тысячи Брелей принимают на себя драгоценную тяжесть всех крутопадающих пластов Прокопьевска.

Техника в голове инженера неожиданно смыкается с так называемыми социальными науками, с учением о

коллективе, хотя как будто все это не имеет к инженеру непосредственного, профессионального отношения. Дунаев убеждается, что в 1931 году в условиях Прокопьевска горная техника требует, чтобы, вместо разбитых, разрозненных людей, в толщу угля врубалась общим фронтом вся человеческая порода. 21 пласт можно охватить руководством только в том случае, если всюду созданы сквозные бригады, которые несут полную ответственность за свой участок. Человек в бригаде обнажает свое лицо под карбитной лампочкой во лбу. Но тогда и уголь перестанет быть безыменным. В чудовищной стене угля бригада становится опорой; десятник из фронта вываливается, как лишнее тело.

Человек в Прокопьевске делает уголь.

Уголь делает человека.

— Моя святая обязанность... — бормочет Брель, и все видят его лицо, когда он идет через сопки в светлом шахтерском море, в лоцманской шляпе; это лицо вчерашнего крестьянина, который с помощью Нестерова стал пролетарием.

Теперь от имени трех тысяч Брелей нужно ставить вопрос о полной ликвидации раскомандировок, об уничтожении должности «десятника», о возложении полной ответственности за сотни лав, забоев, за весь уголь — на сквозные бригады ударников.

Тихон Ишмемятов

Три дня лежал Тихон Ишмемятов на станции в ожидании поезда и видел, что за хозяином поднялась и шла вся сибирская сторона. Сотни людей лежали на станции рядом с Тихоном. Тысячи людей мчались мимо на переполненных поездах.

В городе Новосибирске Тихон вышел на станцию и отыскал отхожее место. В углу, под ногами у забежавших людей лежали три человека. Двое спали лицом в зловонной земле, а третий раздувал горевшие щепочки и грел черные, деревянные руки.

— Чего вы тут? — испуганно спросил Тихон, стараясь не забрызгать лежавших.

— Живем, — ответила фигура. Она шевелила не губами, а всем своим красным раздутым, как сплошная чудовищная губа, лицом. Горло ее будто лопнуло — из него выходил не голос, а свист и бульканье.

Тихон ушел, ехал дальше, молчал, но вдруг страх перед американским заводом, который вот и его куда-то вытянул и везет, его вдохновил. Он захлебнулся миллионом слов, беспомощно взмахнул руками и выдохнул оставшиеся во рту слова:

— Чего ж с людьми-то?.. Вот бросили деревню... чего теперь с ними делается...

Его не поняли. Он рассказал о людях в отхожем месте, спавших под теплыми человеческими струями.

— Отхожий народ, люмпены, — туда и дорога, — сказал сосед. — Ты на Кузнецкий едешь? А знаешь, какая там в тебе нужда?

— Во мне? — спросил Тихон, обижаясь.

— И в тебе. Всех ждут. В тыщах людей страшная надобность. А ты кого пожалел? Воров.

— Каких воров? — спросил Тихон.

— Свою же собственную силу крадут.

— У кого?

— У тебя. Сейчас каждый работающий миллион стоит. А они свой миллион в отхожее понесли. Кого обокрали? Себя, тебя и всех.

Тихон молчал. Если его где-то ждут, то это выгодно, хотя опасно было верить словам соседа.

На строительстве Тихон в страшной тоске потерялся в котловине с первого дня. Чудовищная сила бросила в сибирскую тайгу двадцать тысяч людей. Сперва они жили в земле. Рыли яму, выводили над ней крышу из дерна, — кроты в холодной пустыне. Так появился земляной город, земляные улицы, земляные люди. Потом двадцать тысяч вышли из земли на поверхность, в полотняный город, — котловина разбила палатки.

Их обступали покатые мертвые горы.

Одинокий слабый дым первого паровоза поднимался со дна котловины к холодному небу.

Четыре тысячи плотников спустились в котловину. Они могли выстроить могучий город, два Томска сразу, но они стояли — все четыре тысячи плотников. Котловина осталась без леса. Но лес наконец пришел, и

брезентовый город стал деревянным. Все пустынное пространство между горами заполнилось сосновым, источавшим смолу городом. За четыре тысячи километров, через молчаливые пустоты Сибири котловина протасила себе из России человеческий быт, запах обжитого места, всю радость и тепло неуклюжей, но уже уверенной жизни. Верхняя колония уперлась в правое плечо пустынных холмов, нижняя колония пробежала через середину впадины и достигла противоположных гор. Дальше было солнце.

Гром раздался со дна переполненной котловины. Теперь паровозы дымили во всех концах. Гремело железо, рывшее котлованы, вздымавшее на воздух стальные колонны, варившее камень, цемент и гравий. На место деревянного века пришел воинствующий железный. Он уничтожил ночь. Двадцать тысяч людей тремя волнами шли из деревянного города и заполняли собой утро, день, вечер и ночь каждых суток. Ночь стала желтой от прожекторов. В желтых снопах поднимались с земли овальные железные листы. Невидимые Тихону люди соединяли их в воздухе над бетонным постаментом.

Волнообразный реющий гром пролетал над котловиной.

Листы соединялись в железные башни-каупера и доменные печи. Шесть кауперов и две домны разделили пополам все пространство площадки — и воздух и землю. Тридцать других цехов строились в разных концах котловины.

Что был Тихон перед этим железом?

Он работал землекопом в литейном цехе. Кто мог понять его тоску? Гремящее, холодное железо закрыло от него прежнюю жизнь. Что давало ему же-

лезо? Ничего. Кому оно принадлежало? Неизвестно кому: коммунистам? Хозяину? Одно было ясно — железо деревне не нужно.

Но кто был его хозяин?

Тихон столкнулся с одним из хозяев в конторе. Вместе с толпой других землеробов он обступил помощника начальника цеха и целыми часами требовал пимы, обувь, деньги, — работа в котлованах стояла. Усталый, замороченный человек хрипло объяснял, что вещи выдаются только самым голым, лишних вещей нет. Он уже валился с ног. Тихон видел, что его можно одолеть, и на третий день своих неудач закричал на хозяина:

— Дай! Дай мне пимы, что ты за царь такой, чтобы не давать людям чего они просят.

— Дурак! — хрипел начальник. — Я не царь, а каменолом.

Разъяренный глупой ложью врага, Тихон расспросил о нем в бараке. Он был поражен: враг в самом деле был каменолом. Его звали Дзензель.

Второй враг, инженер Брагин, оказался литейщиком из Мариуполя. Третий из хозяев, главный механизатор цеха Истратов, облегчавший плотникам работу своими деревянными машинами, был когда-то ночным сторожем в Москве, потом слесарем.

Странное это было место: вся злоба деревенского человека, искавшего врагов, выдыхалась, не встречая сопротивления. На его озлобленные поиски хозяев начальники отвечали — я каменолом, я литейщик, я ночной сторож. Но в то же время они были начальниками цеха, механизаторами, инженерами. Что за удивительная жизнь открывалась перед ними.

— **Кто хозяин?** — кричал Тихон в цехе. От хозяина он нуждался в пимах, в доме отдыха, в приятной и легкой жизни городских людей.

— **Ты хозяин,** — отвечали всюду Тихону. Тогда он вдруг видел, что лишних пим, действительно, нет, отдыхать еще рано и стыдно. Каменелом Дзензель грустно смотрел на тихоновы пимы, они уже рвались, и Дзензель однажды расспросил у землекопов, кто знает сапожное дело, снял таких мужиков с котлованов и посадил чинить артельную обувь. Это был простой и разумный выход из положения, но Тихон негодовал, что всем пришлось как будто своими силами вылезать из трудного положения, — а где же хозяин?

Кто был хозяин? Железо в котловине.

В тайге дремали железные горы Темир-Тау, «Железная земля» Тельбесс. За сто таежных верст волоком, вьюком, лошадьми к ним просачивалась жизнь из котловины. Днем и ночью лошади продирали через тайгу тяжелые машины, рельсы, динамит. Через тайгу пробивались к железным горам люди. Весной по два месяца их запирала в тайге весенняя вода — исчезали все дороги, охотничьи тропы, глухие пути. Страшная возня поднималась в котловине перед весной — лавки спешили до наступления распутицы забросить к железным горам хлеб, продовольствие, керосин. Едва родившись, котловина как будто распирала тайгу, все пустыни стремилась занять своим шумом, железом, людьми. Она шла напролом. Ночью лесную глушь вдруг разрывал ослепительный свет, пыхтение, лес гремел: шли тракторы, везли машины, железо, рельсы.

— Чего там промышляют? — спрашивал Тихон у возчиков.

— Земляной чугун, — отвечали ему, кто как мог.

Хозяин владел также и шестью железными башнями и двумя широкими кастрюлями, вышиной в самую высокую сосну. Они поднимались к небу со дна котловины.

— Чего в них будет? — продолжал расспросы Тихон.

— Чугун в них сварят. На мильен тракторов в год. Это было понятно, хотя про мильен люди, конечно, ввали.

Рядом с котловиной, где все думали только о чугуне, находился город за рекой Томью, Тихон бывал и там, искал хозяина. Город был тихий. Раньше тут держали каторжных, — еще стояла на горе каменная пустая крепость.

Тихон все думал, в чем теперь жизнь притихшего города. Ничего не было понятно, пока в сумерках не раздался свист, дым ринулся в небо, красный поезд ворвался в тишину из котловины.

Усталые люди вышли из красных вагонов и разошлись по тихому городу — отработавшие смены. И опять город замер. Все стало ясно.

До всего достигла котловина. Город не имел больше своей жизни. Его втягивало к хозяину, к железным кастрюлям, к двадцатитысячной армии между гор.

Однажды Тихон услышал, что есть где-то рядом со строительством колхоз. Он воспрял духом, двинулся туда, но ничего не понял. Деревни назывались уже цехами. Был цех огородный, цех животноводства, хлебный цех. Деревня не поедала свое добро, как лошадь ест всю траву под ногами, а готовила впрок, хранила в складах.

— Тут пойдет железная дорога, — хвастались колхозники и показывали, как пойдет дорога прямо через

середину колхоза. — Очень большое удобство — вали овощ с огорода прямо в вагон, и — але.

— Куда? — спрашивал Тихон в тоске.

— Куда, куда! Ясно, куда. На строительство.

Даже пища в этой деревне стала другой и уже имела какое-то отношение к железу. Когда Тихон проголодался, ему дали жестянку, он повертел ее в руках. Это были консервы, но никакая фабрика их не делала. В жестянке лежали колхозное мясо, колхозный горох, — только жестянку коммуна взяла со стороны.

Жестянка доканала Тихона. Деревня варила консервы, потребляла в пищу мясо, и всеми своими деревнями-цехами тянулась к хозяину. Она даже писала ему письма.

Вечером в клубе, при свете керосиновой лампы (в будущем году котловина обещала дать электричество), председатель коммуны, бородатый мужик, читал сходу такое письмо:

— **Мы, сталинцы,** делаем первый почин. Чтобы вам полностью использовать машины, надо готовить людей, которые бы сумели работать на них. Поэтому **мы** ставим себе задачей подготовить заводу и выслать не менее **двадцати человек. Из них — пятнадцать технически грамотных.**

— Кто поедет? — спросил мужик-председатель, и собрание загалдело. Собрание рассчитывало, в каких людях есть нужда в четырех деревнях-цехах, и чтобы овощи и скот не остались без работников, определяло лишнюю людскую силу. Ее называли по фамилиям.

— Я поеду, — сказал человек из одного угла.

— Я поеду, — отозвался другой.

Первую партию для завода **в пять человек**, — читал потом председатель, — мы выделяем из следующих товарищей: **Белоусов Федор**, комсомолец; **Малиновский Филипп**, беспартийный; **Барановский Иосиф**, беспартийный; **Дук и Кузьмин**. На завод мы их пошлем 1 июня 1931 года.

Подписала: *коммуна имени Сталина. Кузнецкого района.*

Все дороги заняла котловина. Но кто был ее хозяином? Вот этот бородатый мужик, председатель, пять колхозников — Малиновский, Дук, Белоусов, Кузьмин, Барановский.

Тихон с жестянкой колхозного мяса и гороха вернулся на строительство и нашел свое имя на черной доске. Деньги ему выдали не из кассы, а из черной деревянной будки с намалеванной страшной рожей.

— Кто это? — спросил Тихон.

— Это ты! — ответили ему. — Ты есть злостный прогульщик!

Вечером в цеховой кипятилке ячейка столкнула его с лучшей бригадой землекопов. Бригадир Кутасевич рассказал, что в его бригаде люди берегут время и труд тем, что приходят на работу не врозь, а гурьбой. Поэтому никто не ждет опоздавших, а вся бригада общей силой наваливается на котлованы и роет. Ничего особенного не говорил Кутасевич — все такие простые мелочи. Но мелочи оказались страшной силой — три кубометра мерзлой, как камень, земли на человека за восемь часов.

Разговор был хозяйский. Всем было дело до работы Кутасевича, до работы Тихона, до всей работы в цехе.

— „Кто же хозяин?“ — думал Тихон.

— Ты хозяин, — отвечал Кутасевич, хотя не смотрел на Тихона и даже говорил не о Тихоне, а обо всем обществе землеробов.

Тихон спрашивал врагов, хозяев и находил себя самого. Но он не мог быть врагом самому себе. Значит, он был хозяин?

— Ты есть злостный прогульщик, — вспомнил Тихон. Кто же был прав? Тихон? Котловина?

Выходило так, что права котловина.

Она заполняла все, всю пустыню обнимала своим теплом, своей гремющей жизнью. Она оживляла мертвый город с потухшей крепостью. Она втягивала в свой поток окружные деревни.

Котловина несла в своем железном шуме двадцать тысяч человеческих жизней. Она поднималась на этих людях, и поднимала их за собой. Ночные сторожа вырастали в техников, каменолом вел свой цех, мариупольский литейщик рассчитывал проекты всех цеховых печей, и благодарная котловина несла литейщика выше, в Америку, откуда он должен привести запас знаний для роста, для огромного будущего котловины. Все здесь произошло от котловины, и все опять в нее вливалось преображенным.

— Кто есть хозяин? — все еще кричал Тихон, но котловина молча повлекла его в общем потоке через железный гром, пока сезонник не пришел в контору к мариупольскому литейщику.

Он постоял возле инженера, пока тот не поднял глаза от чертежей и потом сказал:

— Имею желание остаться в цехе литейщиком и прошу оказать обучение.

„Веревочка“

Завод, каких немного на земном шаре, начал строиться как-то боком, навыворот.

В лесу, за городом Свердловском, вдруг появился в полном одиночестве цех металлических конструкций.

Это был грандиозный технический абсурд: один единственный цех среди елей, в бездорожье, в непротоптанном лесу. Все совершилось против законов промышленного строительства. Лежала первобытная земля. Еще не пробито от города шоссе, не проложен водопровод, не проведена канализация. В этом диком месте с нелепой настойчивостью поднимался вверх одинокий цех.

Его раздавливало простое сравнение со всем остальным заводом на плане. Завод-комбинат проектировался на выпуск, например, блюмингов, то есть прокатных станков такого веса, что только 330 товарных вагонов смогли бы поднять на себя один такой блюминг. Этих блюмингов на земном шаре всего 40 штук, если можно назвать «штукой» сооружение в 5 500 тонн.

Но все же из всей внушительной системы комбината индивидуального машиностроения люди заложили и строили один только цех металлических конструкций. Это было техническое уродство.

Тогда же появилась знаменитая «веревочка», из-за которой стал инвалидом старший архитектор. На этой «веревочке» балансировал и шатался и не падал весь Уралмашстрой.

«Веревочка» заменяла собой шоссе в 8 километров длиной от Свердловска до места, где строили цех.

«Веревочка» начиналась простой пегой лошадыю.

Лошадь протаптывала сугробы и, чтобы умять их, тащила за собой санки.

За санями шли гуськом люди — землеробы, каменщики, арматурщики, инженеры, мотористы, секретарши и бухгалтера, строившие цех.

Они шли из Свердловска, где было их жилье, и растягивались через поле в лес на 8 километров. Там они работали.

К вечеру лошадь с санями поворачивалась в обратную сторону и опять те же люди черным пунктиром плелись назад: спать, жить, есть, населять город.

Это явление, объяснявшееся тем, что возле цеха не было жилья, а в поле стояли сугробы, и было прозвано «веревочкой».

В этой «веревочке» ходил и начинал сидеть Банников, начальник строительства.

Он вместе с тысячами людей, шедших по «веревочке», помогал комбинату выбиться в жизнь.

Это было очень трудно. Приходилось, насилуя самого себя, издеваясь над своим собственным жизненным и техническим опытом, совершать много нелепостей, даже преступлений.

Преступлением была, например, та же самая «веревочка», по которой он сейчас шел. Техники, мальчишки, свистуны, идущие за его спиной, могли сказать

ему, большевику, инженеру, что еще на школьной скамье их учили всякое строительство начинать с подъездных путей. А он вел людей и тащил материалы по «веревочке».

Преступлением было выпучивать из общего плана вот этот цех, торчащий в лесу.

Тошнотворно улыбаясь, отплевываясь, показывая кому-то кукиш в кармане, Банников все же предписывал осуществлять «веревочку» и цех металлической конструкции, боком вылезший из плана.

Так он хитрил. Это стоило большого напряжения. Он начинал сидеть, его мучали постоянные головные боли. Неизвестно было, с кем же, собственно, он хитрит. Кто-то сверху давил на Машинстрой. Но этот «кто-то» сидел в центре. Значит, Банников хитрил с центром. Но ведь он привык, что именно центр должен вести, руководить, подгонять. А тут центр его останавливал.

Уралмашинстрой кое-как висел, держался на «веревочке».

Он теплился против воли центра, благодаря инстинктивному чутью всех работающих на строительстве людей, которым казалось, что на этот раз неповиновение центру есть их долг. Они выращивали для своего Урала завод и стояли вокруг него упрямой стеной.

Ни один Банников хитрил. Хитрили все — каменщики, мотористы, техники.

Все знали, что «веревочка» ужасна, но это была пуповина, которую нельзя было оборвать, потому что без нее завод умер бы. Поэтому когда главный архитектор нажил на «веревочке» ревматизм и пытался уйти со строительства, то Банников со своими уральцами

буквально затравил его, проشتهмцелевали дезертиром, чуть не волчий билет ему выдали, хотя все видели, что архитектор не мог не уйти, потому что стал инвалидом.

Дело было не в архитекторе. Нужно было остальных людей удержать от бегства, от испуга перед «веревочкой».

Нельзя было оборвать пуповину.

Первобытная уральская промышленность, Надеждинск, где руду волокут лошадьми, Тагилы, Нижние Салды, с растрепанными, слабосильными цехами, рожали здесь Уралмашинстрой — единственную тогда надежду на освобождение от варварской неподвижности меди, угля, свинца, вольфрама, спящих руд.

Роды протекали ненормально. Наверху смеялись над этим диким строительством.

Его подбивали на ходу. Только начал он строиться, как центр распорядился остановить работы. Пришло распоряжение перевести строительство из Свердловска в Челябинск. Предписание говорило, что этого требует некая целесообразность.

Эта целесообразность настолько была нецелесообразна, что уральцам удалось довольно быстро от нее отбрыкнуться.

Тогда начавшиеся работы снова были приостановлены: центр предлагал кооперировать Уралмашинстрой с Мотовилихинским заводом. Равняться на Мотовилиху значило съезживать размах строительства в 36 раз, потому что еще недавно на Мотовилихе гордились паровым молотом в 10 тысяч пудов, в то время как проект Уралмашинстроя предусматривал установку молота в 360 тысяч пудов.

Так распоряжался центр.

Теперь только на Урале знают, что этим центром был Париж, и тот самый кабачок, который с таким блеском описал в своих литературных произведениях профессор Осадчий.

Над Уралом, над головой Банникова и старого рабочего Гордонова — заместителя начальника по строительным работам, и всей кучкой коммунистов, над всем краем висел хренниковский Главметалл.

Хренников сидел в Главметалле в Москве, и от имени Парижа не пускал завод рождаться. Но никто тогда не знал, что такое Промпартия. Хренников был абсолютным авторитетом.

Несколько раз ему удалось так ушибить строительство, что там, скрепя зубами, начинали распродавать кирпич, цемент, строительные материалы, только что с боем выданные по крохам, по бочке, по кирпичу. Уралмашстрой приказано было консервировать. Там как будто послушались, но про запас все же держали в карманах кукиш.

Тогда-то Банников распорядился наплевать на теорию и совершить преступление. Он бросил все силы на постройку одного единственного цеха, вычеркнув из головы подъездные пути, водопровод, канализацию, шоссе, весь огромный план будущего комбината.

В городе появилась пегая лошадь.

За ней стали гуськом Банников, коммунисты, землекопы, производители работ.

Через 8 километров протянулась «веревочка».

Уродливо раздирая своими колоннами план строительства, появился в еловом лесу цех металлических конструкций.

Все это, вместе с пегой кобылой, с ревматизмом

архитектора, со всеми муками затруднительного, искривленного строительства понадобилось для того, чтобы можно было наконец вынуть из кармана кукиш и телеграфировать в Москву:

«Первый цех начат постройкой тчк никакие изменения в проекте больше невозможны тчк».

Это значило:

— Баста. Родились.

Это значило: жить, жить, жить. Край не мог не родить Уралмашстрой — колыбель своих будущих заводов. Поэтому он хитрил, как хитрит все живое, чтобы жить, как хитрит жизнеспособное дерево, когда от него закрывают солнце, и оно растет криво, уродливо, пока не сшибает препятствия окрепшим стволом.

Могучая жизнь оказалась сильнее мертвецов, хотя их поднялось против нее целое кладбище.

Скоро Главметалл разделился на Главчермет, куда ушел Хренников, и на Главмашинстрой, куда передали строительство.

Уральцы возле своего цеха испытали радость полузадушенного человека, которому открыли доступ воздуха. Уход Хренникова сказался здесь, как на аэро-стате сказывается выброс балласта.

Машинстрой сразу взмыл вверх. Он выпрямился.

Когда-то на все строительство ему отпустили 200 тысяч рублей. В 1929 г. ему дали уже 2 миллиона.

Теперь одних только импортных машин он заказал себе на 20 миллионов рублей.

В 1931 году, в конце февраля, в бывшем лесу за письменным столом сидит начальник строительства Банников.

Он постарел, начисто выбрил голову, может быть,

для того, чтобы скрыть седину, которой не было до «веревочки». Его мучают неизлечимые головные боли. Это контузия от заочного знакомства с Хренниковым.

В окно виден бывший лес, где еще недавно инженер Зыков, помощник начальника строительства, стрелял дичь. Дичь распугана четырнадцатью тысячами людей, поднимающих завод.

Подъезжает из Свердловска красный автобус. Идет грузовик. Идет трактор. На всех надпись:

— Уралмашстрой.

Все стало теперь гораздо легче на строительной площадке. Даже вчерашняя нелепость с диким цехом в свердловском лесу оказалась почти техническим открытием. Раз стоял на площадке готовый цех, почему бы его не использовать?

Конструкции для мостовых кранов, железные колонны и балки для чугунолитейного и сталелитейного цехов, мачты для прожекторов Уралмашстрой изготовил в свое цехе металлических конструкций.

Так был нащупан принцип: строить прежде всего те цеха, которые смогут работать на постройку самого же завода.

Уралмашстрой почти не имеет внешних поставщиков. Ему не с кем ругаться. Он сам себя строит. У него есть свои каменные карьеры, сушилка леса. Выстроена ремонтно-механическая мастерская, ремонтно-строительный цех.

Где-то притулилась небольшая ваграночка, «самоварчик». Она льет чугун на всякие домашние надобности площадки. Очень смешной «самоварчик», если сравнить его с будущими литейными, в миллион раз большими.

И в последний день строительных работ, когда все как будто подсобные цехи сдадут свой последний домашний заказ, они сразу станут основными цехами гигантского завода и назавтра же будут строить не свой завод, а все заводы края, весь Большой Урал.

Это принцип самовырастания — тоже хитрость строительства, желающего жить как можно скорей. Такое натуральное хозяйство, чорт знает откуда залетевшее сюда из средних веков, избавило строительство от лошадиного труда разговаривать с поставщиками. Оно поднимается на своих собственных цехах.

Инженер Зыков ходит по строительству и видит, что вот этот цех уже готов. А вот здесь, где еще ничего нет, кроме елок, в мае месяце пойдет самый большой в мире цех холодной обработки металла. А вот на этом месте скоро будут устанавливать два подъемных крана по 200 тонн грузоподъемности. Такой кран может поднять в один присест, например, два паровоза или 19 нагруженных вагонов.

В прокатном отделе герр Люрф, главный машиностроитель завода, работавший у Круппа, стучит кулаком по столу и самодовольно говорит о цехе холодной обработки:

— Пусть ваша Америка попробует выстроить такой!

В его лице германская техника соревнуется с американской, они старые враги, но Уралмашстрой от этой живительной вражды только выигрывает.

В кабинете начальника строительства кто-то вынимает из кармана камень. Это образец породы, через которую роют тоннель комсомольцы. Они объявили штурм тоннеля, и вот уже 9 дней молодые инженеры,

мотористы, слесари ночью превращаются в землекопав и прогрызают тоннель через каменный пласт.

Мимо окна проходит красный автобус. Проезжает грузовик. Проходит паровоз с платформами.

Где же «веревочка»?

Банников откидывается на спинку кресла, стоящего в бывшем лесу.

Чорт возьми, все-таки уральцы перехитрили, все-таки пробились через кладбище Хренниковых. Завод сейчас так легко прорастает вверх, как будто его в самом деле рождает сама земля, вот эти горы, вот эта руда, выпирающая из недр, эта медь, вольфрам, серебро, уголь.

Головная боль, седина. Ладно. Вот тут все кругом него, что ходили по «веревочке» и несли через нее громаду своего завода, они тоже поседели, — ладно.

Стук в дверь. Заглядывает очень виноватая, смиренная физиономия поставщика леса. Через минуту поставщик уходит с очень вежливым лицом. Будет лес. Банников наклоняется над столом.

Он работает. 14 тысяч на строительстве работают. Проходит автобус, грузовик, паровоз с платформами. Где же «веревочка»?

Завод через год должен дать машин на 100 тысяч тонн.

Это будут прокатные станы, марте-новские печи, домны, блюминги, которых всего 40 на земном шаре, слябинги, которых в мире всего пять, тьюбинги — огромные кольца для шахт, шахтные крепления, каких еще не строили в стране.

Завод даст полное машинное оборудование для будущего Нижне-Тагильского металлургического гиганта, даст машины второй очереди для Магнитогорска и Кузнецка, для металлургии, для химии, для угля, для меди — для всего Урало-Кузбасского комбината, сдвигающего Урал и Сибирь с насиженных мест, как страна сдвигает весь мир с его цепей.

Банников наклонился над столом.

Договор на все эти заказы уже подписывается с Востокомсталью.

Миллиард одичавших коней

«Из умов наших вышел
миллиард коней, сейчас дико
рыскающих на свободе».

Мистер Чейз, американский
экономист.

Умный, очень разочарованный человек быстро подходит к окну, распахивает его настежь и тычет рукой куда-то вдаль.

— Вот смотрите, — указывает человек.

Невероятная котловина гремит вокруг нас на десятки километров. Горы, снег, паровозный дым, краны, леса, экскаваторы. Восемьдесят тысяч людей в палатках, землянках, бараках. Котловина мгновенно обнажает все свои противоречия: рядом с двумя-тремя автомобилями туча саночек, таких тщедушных и низких, что седок как будто сидит прямо на земле, а оглобли от лошади приделаны непосредственно к середине его туловища. В таком виде все, начиная от начальника строительства вплоть до помощника прораба, разъезжаются во все концы котловины. Рядом с красными глыбами домов рваные палатки. Рядом с трактором-

тяжеловозом табуны несчастных кляч. Экскаватор и лопатка. Динамит и мужичок с клинышком. Век социализма и век Екатерины второй. Но тут же светлыми колоннами прожекторов сибирская ночь поднята к далеким звездам и через горы отброшена в сторону от котловины. Тут же зима, напряжением в 57 градусов ниже нуля, убита обдуманной невнимательностью людей. Замерзая, отмораживаясь, оттираясь снегом, 24 часа в сутки они продолжают рыть, взрывать, сверлить, клепать, бетонировать, — заполнять котловину огромными массами железа и дерева, организованными в цеха, в конструкции, в остов будущего завода.

— Непобедимая армия, — ужасается человек у окна. — Кто ведет эту единственную в мире армию? Пятьсот человек, пятьсот беспомощных человек.

Он выпаливает вдруг:

— «Из умов наших вышел миллиард коней, сейчас дико рыскающих на свободе». Это сказал некий мистер Чейз. А я говорю, что этих коней нам не поймать.

Человечек нервно одергивает на себе пиджак, галстук, брюки. Он плюхается на стул. Боже мой, что он может сделать? Он тоже беспомощен. Рабы, рабы машин. Смеяться или плакать — что нужно делать?

Он выдыхается и нехотя объясняет:

— Миллиард диких коней, несущихся на свободе, по терминологии американца Чейза, — это лошадиные силы машин, двигателей, агрегатов. Вырвавшись из человеческой головы, эти лошадиные силы встали надбы против своего творца. Они волокут его за собой, топчат, мнут. Человечество шпалерами выстраивается у конвейера, превращается в толпу идиотов, сознание которых с высоты величайшего века ввергается в тем-

ноту и ужас обезьяньего периода. Властелин земного шара, что он делает теперь? Миллион раз в час совершает одно и то же тупое, крохотное движение рукой. Теперь ему можно отвинтить голову, — она так же нужна властелину, как отросток слепой кишки в его животе. Человек выдумал машину. Теперь она его убивает. Он обезглавлен.

Человек вдруг неуклюже смеется:

— Оскорбительная проблема Кузнецкстроя состоит в том, что ужасы мистера Чейза здесь глупейшим образом выворачиваются наизнанку. Америка гибнет от миллиарда бешеных коней, мчащихся с невыносимой для человека скоростью. Мы страдаем от того, что сотни тысяч коней вышли из повиновения, разбрелись в сугробы и стоят. Да, чаще всего они стоят. Хуже — они заставляют стоять и нас. Мы привязаны к машинам, но машины нам не помогают.

Вот вам проблема.

**Кузнецкстрой должен вынуть
3600 000 кубометров земли.**

Сотни поездов земли.

Кто вынет эти кубометры?

„Эх, мужичка бы с лопаткой!“

Человечек все жаловался и жаловался.

— Мы беспомощны, мы голы. Я не знаю, в чем тут дело. Но каждый из нас, даже молодежь, приезжая сюда, сразу раздевается до Адама. Весь технический шик, полученный в институтах, из мировой технической литературы, весь опыт человечества, весь инженерский наряд — все это сразу идет к чорту. По-

ток страшной средневековщины, установившейся до нас, увлекает самых упрямых и несет назад, подальше от высот современной техники.

Человечек безнадежно махнул рукой в сторону котловины.

Сотни тысяч лошадиных сил были овеществлены здесь в мощных кранах «дерриках», вынимающих землю жующим движением грейфера, «марионах», глотающих землю железной челюстью на жирафовой шее; в слоноподобных бетономешалках.

Это были стада механических существ, обладающих способностью рыть, везти, вздывать, вращать. Они могли жевать камень, переваривать цемент, изрыгать бетон. Но чаще они стояли.

— Вот, — жаловался человек. — Рядом с этими чудовищными детьми нашего века люди вдруг начинают преклоняться перед обыкновенным русским мужичком, перед живой физической силой этого мужичка. Всю тяжесть строительства мы валим на плечи этого исторического мужичка. Почему?

Знаете, у нас на Кузнецкстрое ходит поговорка: «Американский инженер ботинки пронашивает, русский инженер штаны просиживает». Пока он просиживает штаны, мощный деррик на двухскиповой яме возле доменного стоит 80 процентов рабочего времени. Крупные бетономешалки простаивают полтора-два месяца, потому что их затащили раньше времени к цеху, а перебрасывать назад невозможно — дикий труд.

Можно ли увеличивать маневренность машин? Разве так спрашивают инженера? Вы спросите нас: нужно ли это сделать? И если нужно — так станет можно, потому что прямая обязанность инженера из каждого

«нужно» сделать «можно», его этому и учили, в этом сущность его профессии.

Человечек вдруг вдохновился:

— Глупости. Дайте мне деррик и он забудет, что значит стоять. Нет платформы под землю? Ёрунда. Если не хватает паровозов для переброса платформ, — я возьму старый вагон, развалину, дам ему пятисильный нефтяной двигатель, и на кой чорт мне ваши паровозы — деррик получит свой самодельный паровоз. Землю взрывать не успеют для деррика. Да, что там, глупости! Бетономешалки я в течение часа переброшу на отставший участок. Я поставлю деррик на постоянную платформу, сделаю его подвижным, это будет скорость артиллерийской езды. Я говорю вам — чепуха. Нет безвыходных положений. Нет!

Человечек одно мгновение был необычайно быстр, резок, гениален, как всякий умный хозяин своего дела. Но через минуту опять съежился и опять плюхнулся на стул.

— Почему этот нелепый русский инженер штаны просиживает? — устало спросил он. — Да, хотя бы вот, например, почему. Есть у нас так называемые районные инженеры. Такой инженер — и швец, и жнец, и в дуду игрец. У него и деррик, которого он не знает, и бетономешалка, за которую некогда и страшно приняться, и чортов табун лошадей, а у каждой своя повадка, свой характер. Да, не районные нам нужны инженеры, а инженеры по кранам, по деррикам, по экскаваторам. Другие — по бетономешалкам, сыпучемешалкам, по всяким делам, которые сыпятся, льются, текут. Такому инженеру придется побегать, у него появится точно обозначенный круг обязанностей — не-

когда будет штаны просиживать. Но зато и дикие лошади пойдут в упряжку.

А районный инженер сидит, сидит, пока не досидится до первобытного ужаса перед машиной, схватится за телефон и закричит: «Мужичка мне скорей — с топориком, с клинышком, с дубинушкой»...

После этого происходит совещание по кадрам с трагическими вздохами, и в Москву снова бежит осточертевшая всем телеграмма:

„ИСПЫТЫВАЕМ ОСТРУЮ НУЖДУ В РАБОЧЕЙ СИЛЕ ЗПТ НЕДОСТАТОК ЕЕ ГРОЗИТ СОРВАТЬ...“ и т. д. и т. п.

Ерунда! Рабочих нет, потому что не умеем согнать механизмы коней в один быстрый, послушный табун.

Мы бежим к мужичку. Потому что к мужичку не нужно прокладывать электрические кабели, не нужно снимать его с фундамента и тащить на кранах к другому цеху. Мужичка не нужно обслуживать ремонтными бригадами. Любим мужичка, потому что он прибежит сам, посмотрит на непосильную работу, охнет, поплюет на ладошки и пойдет лопаткой землю рыть. И выроет. Но выроет на три месяца позже, чем нужно по сроку, да еще надорвется. Вот.

Архимед и „пимошники“

Умный, знающий, безвольный человек в центре гремящей котловины все жаловался и жаловался.

Слова его были мало преувеличены, хотя была доля неизбежного преувеличения.

Во всей котловине — у подножья железных башен-кауперов, у здания ГРЭС, закутанного в тепляки, завернутого с головой в брезентовое одеяло, — везде

зрелище унижительного пресмыкания людей перед табуном диких коней.

В бездонной скиповой яме копошатся внизу и по склонам серые фигуры людей. Они едва отличаются от серой земли, которую роют. Они работают железными клинышками. Клинышки нужно вбивать в мерзлую землю, бухать по ним молотом, надрываться, исходить потом, — все для того, чтобы отколупать крохотную глыбу земли, — а вырыть нужно сотню тысяч кубометров — вагоны, поезда земли. Работают клинышками, хотя одна порция динамита в секунду может совершить трехдневную работу по крайней мере тридцати землекопов. Но нет динамита. Не применяется кислородный способ подрывных работ. Мужичок вывезет. С ним спокойней.

Есть уже человек, принимающий на свои плечи всю тяжесть этих средних веков. Это слесарь Истратов, комсомолец, приехавший из Москвы.

Первые дни, как и все немногочисленные металлисты, он потерялся в огромной массе людей, называемых сезонниками. Эти люди отгородились от всего света нечеловеческими бородами и смотрели на котловину подозрительно. Для них она была кучей бесполезного, чужого железа. В этой бороде, такой же непроходимой, как сама сибирская тайга, блуждал московский слесарь Истратов. Вместе с другими металлистами, он обзывал сезонников «пимошниками» за то, что они толпами стояли у складов, выпрашивали пимы, валенки и бежали домой, на печку, — поругивал их «волосатиками» за обилие растительности, странное для городского человека, и ужасался этим нашествием средних веков на строящийся, гениальный завод.

Однажды он увидел, как два таких «пимошника» были убиты в котловине деревянным щитом. «Пимошники» на плечах тащили из котлована деревянный щит. Щит подвернулся, грохнул вниз. Истратов увидел бессмысленную кровь — ужасную тем, что она пролилась не в железном цехе, где машины давят, режут, сжигают током, а на простой, первобытной земле, где нет ничего, кроме ямы и сбитых вместе деревянных досок.

Истратов перестал называть этих людей «пимошниками».

Он попытался помочь им выбраться из ужасающего среднего века, в котором их держали инженеры. На голом месте он начал строить технику сначала — как будто не было еще Архимеда.

Он бросил возвращаться домой, спал в цеховой кипятилке, бродил на площадке, и в конце концов, завалил ячейку неуклюжими чертежами. В ячейке вертели в руках чертежи, а слесарь уже строил из бревен нелепое сооружение, — нечто вроде римской катапульты. Это был деревянный кран, — абсурд, с точки зрения машинной техники, но спасение для «пимошников». Кран вытянул бревенчатую шею над ямой, с хвоста Истратов вертел его, лебедкой подняло со дна ямы деревянный щит.

Бывшие «пимошники» окружили слесаря.

Это был триумф.

Они хохотали, глядя на машину, и жали Истратову руки.

Тесный союз заключен теперь между бывшими «волосатиками» и московским слесарем. Он втягивает их в круг своих знаний. Вместе с ним весь комсомольский

литейный цех вытягивает «пимошников» из черной ямы средневековья, учит их на курсах, делает литейщиками цеха, который скоро будет пущен в ход.

Истратов возится над новой идеей. Он видел, как плотники на плечах таскают на леса бревна слоновой тяжести. Это показалось Истратову унижительным издевательством и над людьми, и над будущим заводом. Он проектирует подъемник для бревен. Эта новая машина будет также дика, но величественна, как дик и величествен был первый камень, из которого человек первобытного века изобрел свой первый топор.

Какой пример для инженера — умного, знающего человека, — который все жалуется и жалуется в своей тесной комнате.

Разве беспомощность — не преступление здесь, в этой котловине?

Задача состоит в том, чтобы диким машинным табуном стал управлять мощный технический штаб — база механизации. Отсюда протянутся вожжи к миллиардам диких коней. Отсюда отправятся разъездные бригады ремонта. Здесь машину поставят на колеса, сделают ее подвижной и бросят в течение минуты в решающий участок боя. Здесь, именно здесь люди будут нести ответственность за то, что умные, сильные машины используются всего на 15 процентов.

ВЫ | **говорите,** что создать такой штаб невозможно?
говорите, что вам с машиной связываться нельзя — и машина увязнет и человек пропадет?

вы рассказываете,

что был такой инженер, который брался за создание штаба механизации, но поток средневековья сшиб его с ног и бросил на работу, в Бриз, а Бриз — это такое место,

где многое хотят, но ничего не могут.

Вы утверждаете, что идти против потока — значит
ИЛИ ЛЕБЕЗИТЬ,
ИЛИ МОЛЧАТЬ,
ИЛИ БУЗИТЬ?

Что любители мужичка каждое покушение на их покой расценивают как оскорбление? Что поток средневековья связан с миллионами самолюбий, которых трогать нельзя, потому что они раздавят?

Ну, знаете — все это речи людей, которые захлебнулись в потоке средневековья.

Пора вспомнить поучительную смерть одного инженера.

Этот человек строил коксовую печь в Кеммерово.

Он вел свою печь, как артиллерист тащит орудие в трудную минуту боя. Он ходил вокруг нее, предупреждал все капризы, предугадывал детские болезни, учил ходить. Он спал возле нее, ел возле нее, жил возле нее.

Однажды в его отсутствие произошла катастрофа. Печь сгорела. Об этом сообщили инженеру.

Он выслушал все до конца, бледный отправился на место гибели своей печи и увидел все.

Это была смерть его идеи, чертежей — его мозга.

Он умер от разрыва сердца.

Вот этот человек имел не только диплом инженера. Все в нем было инженерским — натура, воля, жизнь, даже смерть.

Сила его инженерского чувства была так сильна, что, попади он в кузнецкостроевский табун бетономешалок и кранов, вместо смертельного отчаяния его охватило бы, вероятно, простое отвращение к технической распущенности машин.

Он остался бы жить, ставить на ноги бетономешалки, загонять в строй одичавших железных коней, выполнять трудные, но совершенно законные для каждого инженера обязанности.

Это не так уж трудно в нашей стране, где каждое разумное слово специалиста сразу возьмут на себя миллионы рабочих плеч, где Истратовы ненавидят средневековое рабство, где техника вошла в программу всей жизни, всего настоящего и будущего ста восьмидесяти миллионов, устраивающих мир поудобнее для человечества.

Инженеры — те из вас, кто захлебнулся в потоке средневековщины, — сумеете жить, как этот человек, потому что умер-то он неправильно, как неправильна всякая смерть.

Но жизнь его для вас — приказ переделать себя с головы до ног.

Армия в котловине

Когда армия людей, армия машин, армия поездов и тачанок перешла горные хребты, стерла с лица земли три черных от времени деревушки, освободила местных жителей от их черного существования, зачислила их в свой арьергард и прочно расположилась в занятой котловине, один из ее рядовых пережил несколько секунд необычайного нравственного потрясения.

За эти несколько секунд он увидел, как время ломает судьбу огромных пустынных пространств. Он услышал стон трех последних веков из истории российского государства.

На низенькой пушистой лошади, взятой из лагерного обоза, он переехал реку Томь. Его удивил звук абсолютной тишины, которая немыслима была рядом с грохочущей лагерной котловиной. Рядовому показалось, будто его вдруг завернули в вату, так мягко и холодно тишина обволакивала все окружающее.

Перед ним лежал один из уездных городов этого пустынного края. Город представлял собой скопище черных избушек, бегущих в разные стороны, падающих, приседающих к земле.

Гордым истуканом в каменном казенном мундире

возвышалась среди этого всеобщего испуга и преклонения самодовольная крепость.

В лавчонке, которая почему-то называлась «Многолавкой», рядовой купил какую-то мелочь для лагеря и поехал обратно. Он не замечал, что его давно преследует жалкий, неестественный звук, который тянулся и дрожал в воздухе, медленно разбухал, исчезал маленькими волнами и появлялся снова. Это был дряблый и какой-то потусторонний всхлип.

Неожиданно рядовой его наконец заметил. Всхлип объяснял что-то в этих избушках, бежавших от крепости. Он огляделся и увидел церковь, нелепо шевелившую лопасти колоколами. Всхлип оказался церковным звоном.

Тогда рядовой, который был секретарем комсомольской организации Кузнецкстроя, вспомнил, что он не узнал сперва церковного звона, потому что лет десять вообще-то его не слышал.

Тонкий, дряблый звук разорвал завесу, закрывавшую до сих пор этот дикий край от одинокого, оглушительного лагеря в котловине. В первый раз секретарь с необычайной ясностью увидел, где именно строится Кузнецкий металлургический завод. Он удивился, что слово Кузнецкстрой образовалось из имени этого самого города, валившегося набок.

Секретарь был склонен к поэтическим обобщениям. Ему показалось, что он присутствует при встрече двух эпох.

В объеме российской империи Кузнецк был уездным городом, неизвестно почему и как прозябавшим в этом мертвом краю. Он висел в безвоздушном пространстве, бессмысленный, бесполезный город, ничего не произ-

водивший, оторванный от всего мира, населенный только жандармскими чинами. Он существовал только потому, что его держала вокруг себя каменная крепость. Она была призраком, тенью российского государства.

Сюда был сослан когда-то Федор Михайлович Достоевский, бывший московский литератор, политический преступник. В шестидесяти километрах отсюда руками каторжников плавил руду Гурьевский металлургический завод. На воротах его когда-то висела вывеска:

„Завод Ея Величества императрицы Екатерины“.

До самого последнего времени Гурьевский завод был единственным металлургическим заводом в Сибири.

В 1917 году уездный город Кузнецк потерял последний предлог для существования. Империя перестала отбрасывать сюда свою тень, и крепость стала ненужной. Дикие пространства Сибири надвинулись на выдохнувшийся город.

В земле лежали уголь и руда, до которых бессильно было дотянуться рухнувшее чучело капитализма.

Внезапно, в течение каких-нибудь двух-трех лет, обитатели города-чучела пережили ряд невиданных потрясений: они увидели первый в своей жизни паровоз. В несколько месяцев они промчались через всю цивилизацию, мимо их пожарной каланчи и колоколенки промчалась вся история техники XIX и XX веков, — они увидели первый автомобиль, первый аэроплан, паровой кран, трактор. Они были ошеломлены.

Котловина

Армия людей, армия машин, армия поездов и тачанок перешла Уральский хребет, пересекла сибирскую равнину и мимо города-чучела ворвалась в огромную котловину.

Расселившись кое-как в палатках, еще не обжившись как следует, котловина докатилась до него и предложила выполнить для своих цехов кое-какие мелкие заказы.

Единственный металлургический завод в Сибири снисходительно принял его предложение. Он аккуратно раздул свою домну, собрался с мыслями и потихоньку начал заниматься своим любимым делом, стараясь, чтобы все было как следует. Все-таки, как никак, единственный сибирский металлургический завод, старик, не мог не утереть носа этим соплякам в котловине.

Он сдал им заказ. Они потребовали еще вдвое. Он дал им вдвое. Они попросили еще.

Он продул домну и дал еще, хотя пришлось слегка понатужиться.

Тогда котловина бабахнула какой-то совсем уж фантастический заказ, да еще попросила поскорей, да так повелительно и раздраженно, что завод замер от удивления и очнулся только тогда, когда увидел, что всякие общественные организации молотят его по всяким местам за невыполнение промфинплана.

Придерживая грыжу, надорванный, оглушенный единственный сибирский металлургический принялся раскачивать свою старуху-домну, а сам потихоньку и недоверчиво выслал своих людей узнать, что за вещи творятся в этой самой заносчивой котловине.

Вернувшиеся соглядатаи привезли в Гурьево убийственные новости: в котловине строился металлургический завод, который в течение каждых суток собирался давать столько металла, сколько единственный сибирский мог дать за целый год напряженной, тяжелой работы.

Тогда бывший ея величества Екатерины завод понял, что ему никогда больше не угнаться не только за всей котловиной, но и за самым ничтожным ее цехом.

На месте трех жалких деревень, впитав в себя их жителей, окончательно расположил свои 30 строящихся цехов свои две колонии, свой телеграф, свои паровозы, каменные карьеры, краны деррики, экскаваторы Кузнецкий металлургический завод.

Он был только частью второй угольно-металлургической базы Союза — Урало-Кузбасского комбината.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Высокое напряжение	3
2. Кокс	26
3. Человек и уголь	40
4. Тихон Ишмемятов	54
5. „Веребочка“	63
6. Миллиард одичавших коней	73
7. Армия в котловине	84

ЦЕНА 25 КОП.

